

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

*Аналитические доклады Института Кавказа
№3, январь 2011 г.*

**Лариса Дериглазова
Сергей Минасян**

**НАГОРНЫЙ КАРАБАХ:
ПАРАДОКСЫ СИЛЫ И СЛАБОСТИ В
АСИММЕТРИЧНОМ КОНФЛИКТЕ**

УДК 341
ББК 67.91
Д 361

Научный редактор: Александр Искандарян
Литературный редактор: Нина Искандарян
Дизайн и верстка: студия «Коллаж» / www.collage.am

Д 361 Дериглазова Лариса, Минасян Сергей
Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. Аналитические доклады Института Кавказа, №3, январь 2011 / Лариса Дериглазова, Сергей Минасян; Науч. ред.: Александр Искандарян. — Ер.: Институт Кавказа, 2011 — 128 с.

Третий выпуск Аналитических докладов Института Кавказа посвящен теоретическому и практическому исследованию карабахского конфликта с точки зрения концепции и феномена асимметричного конфликта. Главной асимметрией карабахского конфликта является нетождественность статусов основных сторон. Другой важный уровень асимметричности конфликта проявляются при анализе военно-силовых аспектов противостояния в треугольнике Азербайджан — Нагорный Карабах — Армения. Асимметричность потенциалов отчетливо проявилась во время военной фазы конфликта в первой половине 1990-х гг. и четко проявляется на нынешнем этапе. Применение концепции асимметричного конфликта и учет феномена асимметричного конфликта позволяют по-новому взглянуть на ситуацию в Нагорном Карабахе и выдвинуть предположения о возможном развитии данного этнополитического конфликта по симметричному или асимметричному сценарию. Монография представляет интерес как для специалистов-политологов, так и для широкого круга читателей.

УДК 341
ББК 67.91

ISBN 978-99941-2-499-2

© Институт Кавказа, 2011
© 2011 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза (EU) и Фонда поддержки аналитических центров Института открытого общества (Open Society Think Tank Fund)

Содержание

Введение	5
Глава 1. Немного теории: концепция асимметрии и асимметричный конфликт	9
1.1. Концепция асимметрии	9
1.2. Феномен/Теория асимметричного конфликта	12
1.3. Факторы победы и поражения в асимметричном конфликте	15
1.4. Учет асимметрии в межгосударственном конфликте	22
Глава 2. Асимметрии в карабахском конфликте	27
2.1. Статусы сторон	28
2.2. Ресурсы	34
2.3. Военно-политическое измерение и анализ силовых потенциалов сторон	40
2.4. Последствия военной фазы конфликта	45
2.4.1. Проблема территорий и статуса Нагорного Карабаха	45
2.4.2. Вопрос беженцев и перемещенных лиц	46
2.4.3. Региональная нестабильность и необходимость экономического сотрудничества	48
2.4.4. Уровень жизни населения	50
2.5. Интересы и позиции сторон	52

2.6. Формы конфликтного взаимодействия/стратегии борьбы.	55
2.6.1. Азербайджан: нефтяные ресурсы, коммуникационная блокада и политико-пропагандистское давление	57
2.6.2. Армения: комплементаризм, диаспора и политика сдерживания	60
2.6.3. Нагорный Карабах: в поисках признания и обеспечения безопасности	63
2.7. Взаимное восприятие и дискурс конфликта	65
2.8. Асимметрия вовлечения внешних акторов.	70
2.8.1. Россия в карабахском конфликте.	73
2.8.2. Соединенные Штаты и карабахский конфликт	77
2.8.3. Политика ЕС в регионе и карабахский конфликт	81
2.8.4. Региональное измерение карабахского конфликта	83
Глава 3. Возможные варианты развития событий/попыток изменения асимметрий	87
3.1. Военно-силовой сценарий: баланс сил, выгоды и потери от применения силы	88
3.2. Возможность внешнего урегулирования и/или международного принуждения к миру	94
3.3. Пролонгация <i>status quo</i> как механизм поиска компромиссов и деактуализации конфликта.	104
Заключение, или что дает теория асимметричного конфликта для понимания и прогнозирования карабахского конфликта?	109
Приложения	113
Об авторах	125
Об Институте Кавказа	127

Введение

Карабахский конфликт – одно из серии этнополитических противостояний, актуализированных с распадом Восточного блока и СССР. С точки зрения формальной логики, данный конфликт можно анализировать при помощи концепции асимметрии, подобно конфликтам в Косово, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии. Главным признаком асимметрии конфликта является нетождественность статусов основных сторон: Азербайджан – это международно-признанное суверенное государство, а Нагорный Карабах – непризнанное государственное образование, ранее входившее в состав Советского Азербайджана. Иными словами, тут проявляется феномен *асимметричного конфликта* разностатусных сторон.

Другой важный признак асимметрии конфликта проявляется при анализе военно-силовых аспектов противостояния в треугольнике Азербайджан – Нагорный Карабах – Армения. Асимметрия потенциалов ярко проявилась во время военной фазы конфликта в первой половине 1990-х гг., когда в полном соответствии с теорией асимметричного конфликта формально «слабая сторона» (Нагорный Карабах) при непосредственной помощи Армении победила численно преобладающую сторону –

Азербайджан, армия которого численно в разы превосходила вооруженные силы Карабаха и Армении вместе взятые. Такая асимметричность потенциалов проявляется и на нынешнем этапе неурегулированного конфликта. Ситуация «ни войны, ни мира» сохраняется на фоне продолжающейся гонки вооружений и неспособности сторон изменить сложившийся в регионе *status quo*.

Исследования и эмпирические наблюдения показывают, что сегодня столкновения между нетождественными противниками существенно преобладают над «классическими» конфликтами между государствами. Подсчеты по базам данных о вооруженных конфликтах подтверждают, что в послевоенный период более чем в 80% вооруженных конфликтов одна из сторон была представлена негосударственным участником или участником, международно-правовой статус которого не был идентичен статусу его противника. При этом более 75% всех вооруженных конфликтов были внутренними или же начинались как внутрисостоятельные конфликты¹. Результаты асимметричных столкновений все чаще нарушают привычное ожидание победы «сильного противника» — государства, обладающего, к тому же, легитимностью на применение силы. По подсчетам американского политолога А.Аррегин-Тафта, за период

1800—2003 гг. «сильные противники» победили в 71,5% асимметричных войн. Однако разбивка двухсотлетнего периода на 50-летние фазы показывает постепенное уменьшение этой пропорции: 88,2% — в первом 50-лети и 48,4% — в последнем². Более того, обе указанные тенденции усиливаются после Второй мировой войны.

В США с 2008 г. издается междисциплинарный научный журнал «Динамика асимметричного конфликта». В первом номере журнала редакция определила предмет изучения как «конфликт между государствами и негосударственными претендентами (*challengers*)», который «является доминирующей формой конфликта в сегодняшнем мире и будет главным источником насильственных конфликтов в XXI в.»³ Концепцию асимметричного конфликта активно применяют в прикладном военно-стратегическом анализе в США, Израиле, Великобритании, Австралии, Канаде. Логику борьбы асимметричных противников стремятся учитывать политики в процессе принятия решений о применении силы в международных и внутренних конфликтах: формы, масштаб, ограничения и легитимация. Специалисты в области урегулирования конфликтов уделяют особое внимание специфике разрешения противоречий между асимметричными противниками. Военные теоретики успешно пытаются интегрировать инструментарий асимметричного конфликта в классическую военно-стратегическую науку.

Применение концепции асимметричного конфликта и учет феномена асимметричного конфликта позволяют по-но-

¹ См. Дериглазова Л.В. *Асимметричные конфликты: Уравнение со многими неизвестными*, Томск, 2009, с.71-72. Расчеты были произведены по двум базам данных: база данных о вооруженных конфликтах, созданная в рамках Программы по составлению базы данных о конфликтах в университете Упсала, Швеция, в сотрудничестве с Международным институтом исследований проблем мира в Осло, Норвегия (Uppsala Conflict Data Program - http://www.pcr.uu.se/publications/UCDP_pub/Conflict_List_1946-2006.pdf); и база данных о национальных и международных конфликтах, составленная в рамках проекта КОСИМО, университет Гейдельберга, Германия, руководитель профессор Фрэнк Пфетч (COSIMO 1. Database on National and International Conflicts from 1945 to 1999 - http://www.hiik.de/en/kosimo/data/codemannual_kosimo1b.pdf).

² Arreguin-Toft, Ivan. *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict*, Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2005, p.18, 3-4.

³ “Editors’ Welcome to the Inaugural Issue of Dynamics of Asymmetric Conflict (DAC)”, *Dynamics of Asymmetric Conflict*, Vol.1, No.1, March 2008, p.1.

вотому взглянуть на ситуацию в Нагорном Карабахе и выдвинуть предположения о возможном развитии данного этнополитического конфликта по симметричному или асимметричному сценарию. Этот конфликт представляет особый интерес для изучения и потому, что на него накладывается другой феномен, актуализированный в международной политико-правовой практике и активно обсуждаемый политической наукой в последние десятилетия – феномен непризнанных, но *de facto* существующих государств, а также проблема соотношения статусов и суверенитетов в постбиполярном и поствестфальском мире.

Глава 1. Немного теории: концепция асимметрии и асимметричный конфликт

1.1 Концепция асимметрии

Понятия симметрии и асимметрии являются обыденными для естественных и точных наук, однако в гуманитарных и социальных науках они становятся востребованным лишь в последние десятилетия. Под асимметрией понимают «отсутствие симметрии, баланса, равенства, гармонии»; или «отношения между двумя сущностями, которые не имеют общего измерения (меры для сравнения)». В логике «асимметрия» описывает «невзаимозаменяемые отношения между двумя сущностями, когда первое имеет такое отношение ко второму, которое второе не может иметь в отношении к первому» (например, отец и сын).

На протяжении многих веков, симметрия рассматривалась как проявление гармонии, баланса, порядка, нормы в окружающем мире и в научном знании, и, напротив, асимметрия считалась проявлением беспорядка и аномалии. В XIX в. французский ученый Луи Пастер, физик, химик и микробиолог, доказал, что асимметрия является нормой и одной из главных черт всего живого. Постепенно

принципы асимметрии как особого способа организации органического и неорганического мира стали проникать в искусство и гуманитарные науки.

В социальных науках концепция асимметрии наиболее востребована при изучении конфликтов разных уровней — от малых групп до глобальных столкновений. Один из ведущих современных специалистов в области урегулирования конфликтов Кристофер Митчелл подчеркивал, что концепция асимметрии означает гораздо большее, чем привычная концепция силового неравенства противников (*power imbalance*). Он определил асимметрию как «динамический и многосторонний феномен, заключающийся в дифференцированном распределении соответствующих ресурсов и существенных характеристик противников в конфликтной системе»⁴.

Для политологов, юристов, социологов понятия симметрии и асимметрии связаны с характером взаимоотношений субъектов в определенной системе — общественной, политической, правовой. Это предполагает выделение асимметрии как сущностной характеристики отношений между участниками взаимодействия в противопоставлении: равные vs. подчиненные, горизонтальные vs. вертикальные, плюралистические vs. иерархические. При таком подходе борьба инициируется, как правило, подчиненной стороной с целью изменения ситуации и достижения симметрии/равенства, а действия доминирующей стороны направлены на восстановление «порядка» и сохранения статусной асимметрии/иерархии.

⁴ В оригинале: “Asymmetry is a dynamic as well as multidimensional phenomenon, consisting of a differential distribution of relevant resources and salient characteristics between adversaries in a conflict system”. Source: *Cooperative Security: Reducing Third World Wars*. Ed. by William Zartman and Victor A. Kremenyuk. N.Y.: Cambridge University Press, 1995, p.26.

Аналитики применяют концепцию для характеристики отдельных элементов конфликта⁵ либо рассматривают явление как сочетание ряда асимметричных характеристик в рамках холистского (целостного) подхода. Упомянутый выше журнал «Динамика асимметричного конфликта» акцентирует внимание на статусах и ресурсах противников как детерминантах явления, а также психологических особенностях поведения противников. В военно-политическом анализе преимущество отдается тактико-стратегическим аспектам явления⁶.

Можно выделить устойчивые формы применения *концепции асимметрии* в анализе конфликтов:

1. Рассмотрение столкновения различающихся по статусу противников в рамках одной правовой системы — политико-правовой подход;
2. Характеристика неравенства силовых и ресурсных возможностей противников — традиционный подход;
3. Объяснение политического поражения в вооруженном конфликте доминирующей стороны — парадоксальный подход;
4. Характеристика тактик и стратегий борьбы, компенсирующих неравенство в силах и ресурсах противников — тактико-стратегический подход;

⁵ Общая теория конфликта выделяет структурные (устойчивые) и динамические (изменяющиеся) характеристики конфликтных ситуаций, которые влияют на результаты борьбы. К структурным элементам относят: участников, среду их взаимодействия, причины конфликта, характер взаимодействия и последствия конфликта. К динамическим характеристикам относят продолжительность и интенсивность конфликтного взаимодействия сторон, а также стратегии и тактики борьбы.

⁶ См., например, интернет-портал Центра по изучению асимметричных военных действий при Высшей школе военно-морских сил США, Калифорния — The Center for Asymmetric Warfare (CAW). Naval Postgraduate School, CA, (<http://www.cawnps.org>).

5. Акцентуация несовпадения интересов сторон и их отношений к конфликту – субъективистский подход;
6. Характеристика мотивации сторон к продолжению борьбы – мобилизационный или психологический подход.

Общим моментом конфликтов, для анализа которых применяют *концепцию асимметрии*, является *несоразмерность силовых возможностей и статусов* противников, причем система может представлять собой как государство, так и систему международных отношений с существующей в ней иерархией сил и возможностей разных государств.

1.2 Феномен/Теория асимметричного конфликта

Важно разделять *феномен асимметричного конфликта* и применение *концепции асимметрии* для анализа столкновений неравных в силе и статусах противников, особенно с учетом того, что в нашей работе применены оба этих понятия. Концепция *асимметрии* использована для анализа *отношений* между сторонами с разными международно-правовыми и политическими статусами (Нагорный Карабах и Азербайджан). Феномен *асимметричного конфликта* помогает понять *причины поражения и победы* в военной стадии конфликта, а также закономерности продолжающегося военно-силового противостояния неравных в силе и ресурсах сторон (Азербайджан против Нагорного Карабаха и Армении). Вместе с тем, и *концепция асимметрии*, и *феномен асимметричного конфликта* отражают закономерности столкновений между неравными в статусах и силе противниками, что объединено в рамках *теории асимметричного конфликта*.

Целостная модель *асимметричного конфликта* была предложена в середине 1970-х гг. для выявления причин политического поражения развитых стран в войнах в третьем мире вообще и войны США во Вьетнаме в частности⁷. Политолог Э.Макк определил суть асимметричного конфликта как политическое поражение великой державы в войне против слабого противника, когда превосходство в военной силе не гарантирует победу и при определенных условиях может быть даже контрпродуктивным⁸. Э.Макк предложил теорию асимметричного конфликта, исходя из комплекса несоответствий, определяющих ход и завершение такого рода войн. Главной асимметрией является ресурсно-силовая, которая нередко сопутствует статусной асимметрии. Эти базовые асимметрии порождают нелинейное развитие событий через асимметричные формы борьбы (например, затяжные партизанские войны с использованием террористических действий). Нелинейное развитие событий способствует усилению асимметрии в отношениях между воюющими сторонами (мобилизационные возможности) и в отношении к конфликту (воля к победе), что приводит к политическому, а не военному поражению сильного и победе слабого противника (парадоксальное проявление асимметрии).

Макк, подчеркивая необходимость холистского подхода, использовал в аргументации аксиому Аристотеля: «Асимметрии, описанные в работе, – в интересах сторон, в мобилизации, в потенциале военного вторжения, в “ресурсах силы” и так далее – были абстрагированы от контекста ради аналитической ясности. Однако, целое остается боль-

⁷ США во Вьетнаме, Франция в Алжире, Марокко, Тунисе, Индокитае, Великобритания на Кипре, в Адене, Нидерланды в Индонезии.

⁸ Mack, Andrew. “Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict”, *World Politics*, Vol.27, №2, 1975, p.175-179.

шим, чем сумма его частей, и необходимо изучать конфликт как единое целое, для того чтобы понять его эволюцию и итоги»⁹. Феномен асимметричного конфликта, который определил в свое время Э.Макк, означает политическое поражение сильного участника, что может быть определено только после окончания борьбы. Между тем в политическом и стратегическом анализе концепцию асимметричного конфликта используют как предположение о возможном нелогичном развитии событий вопреки существующему военно-ресурсному, количественному или статусному доминированию одной из сторон. В последнем случае теория асимметричного конфликта не обладает столько явной парадоксальной остротой, так как практически любой конфликт содержит в себе элементы неравенства противников и может быть определен как асимметричный.

Однако, имея ввиду парадоксальные результаты асимметричных конфликтов, концепцию асимметричного конфликта применяют как совокупность асимметричных характеристик конфликта, следующей за базовой — ресурсно-силовой и статусной асимметрией. Стремление слабого противника будет всегда направлено на изменение баланса сил и отношений в рамках системы в пользу увеличения своих полномочий и ресурсов, повышения статуса, и главное — использование слабых и уязвимых сторон противника, которых у сильного (большого) противника по определению больше. Именно это обстоятельство необходимо учитывать, анализируя конкретные примеры вооруженных конфликтов между асимметричными антагонистами, для того чтобы понимать логику борьбы и прогнозировать результаты ее завершения.

⁹ Mack, Andrew. "Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict", p.188.

1.3 Факторы победы и поражения в асимметричном конфликте

Как подчеркивает известный современный военный теоретик Мартин Ван Кревельд, говоря о расширении периметра асимметричных или, согласно его терминологии, неконвенциональных войн, «от Перу и до Азербайджана и от Филиппин до оккупированных Израилем территорий, неконвенциональная война — часто ведущаяся горсткой оборванных мужчин и женщин — постоянно движется от одного триумфа к другому»¹⁰.

Анализируя ход и завершение войны во Вьетнаме, Э.Макк предложил несколько гипотез о причинах победы и поражения в асимметричных войнах:

1. Победа слабого противника обусловлена его высокой волей к победе и потерей воли к победе более сильной стороной. Данная гипотеза отражает дихотомию «малой войны» сильного противника и «тотальной войны» слабой стороны. Гипотеза обращает внимание на различия в способности государства и политической элиты мобилизовать ресурсы общества (людские, материальные и нематериальные) на достижение победы в зависимости от важности войны для общества.
2. Победа является следствием усталости сильного противника и его нежелания продолжать расходовать ресурсы и приносить человеческие жертвы во имя победы. Такая победа является не военной победой как таковой, а результатом истощения более

¹⁰ Van Crevelde, Martin. "Technology and War II: Postmodern War?" *The Oxford History of Modern War*. Edited by Charles Townshend. New York: Oxford University Press, 2000, p.359.

сильного игрока, или, как писал Карл фон Клаузевиц, это стратегия, направленная на достижение «негативной политической цели».

3. Победа слабого противника обусловлена преимущественным использованием асимметричных стратегий и тактик борьбы: а) партизанская война; б) террористические акции; в) затяжная война.
4. Победа обусловлена невоенными факторами, среди которых важное место занимает влияние общественного мнения сильной стороны на прекращение военных действий, а также средств массовой информации, которые освещают ход военных действий.
5. Поражение сильной стороны является следствием острых разногласий в политической элите и усиления позиций противников войны, что особенно ярко проявляется во время политических выборов.
6. Ход борьбы определяется в большей степени участием внешних сил, а не прямых участников. Это может быть вмешательство других стран, оказание военной, технической или экономической помощи одной из сторон.
7. Поражение сильной стороны обусловлено давлением и осуждением международного сообщества.

Во всех вышеизложенных гипотезах зависимая переменная может принимать два противоположных значения: это поражение сильной стороны или политическая победа слабой стороны в вооруженном конфликте. Сам факт поражения или победы не всегда можно определить однозначно, однако в большинстве случаев это возможно сделать, сопоставляя цели сторон и ситуацию, к которой они пришли по окончании конфликта.

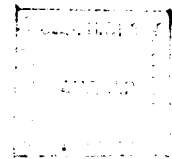
К факторам, которые определяют причины поражения сильной стороны, можно отнести следующие:

1. Отсутствие/потеря воли к победе.
2. Затяжной характер войны без четко определяемого успеха.
3. Сложность борьбы против партизанских и террористических сил или же классических военных действий в горно-лесистой местности против хорошо вооруженных, но мобильных подразделений регулярных (в том числе постоянно набираемых по всеобщему призыву) войск слабой стороны, имеющей атрибуты государственности.
4. Отрицательное отношение общества к ведению войны (опросы общественного мнения, дезертирство, роль средств массовой информации).
5. Наличие раскола в политической элите, проявляемое во время выборов.
6. Выступление других сильных противников на стороне слабого участника.
7. Отрицательное отношение международного сообщества к войне и поведению сильной стороны, осуждение целей и средств ведения войны¹¹.

Карл фон Клаузевиц, прусский генерал и теоретик, определил индикаторы поражения в своей знаменитой работе «О войне», написанной в первой четверти XIX в.¹² По его мнению, целью любой войны является достижение политических целей, а применение силы — лишь средство их

¹¹ Графически модель представлена в *Приложении 1*.

¹² Работа была написана в 1820-е гг. и опубликована уже после смерти автора в 1832 г.

достижения. Индикаторы поражения в войне включают: «1) большие потери физических сил противника; 2) потери моральных сил; 3) открытое признание в этом, выраженное в отказе побежденного от своего намерения». Причем он подчеркивал, что «единственно верным доказательством победы» является «отказ от боя», так как данные о потерях «умышленно извращаются», а для измерения моральных сил нет какого-либо «удовлетворительного мерила»¹³.

Следовательно, поражение в войне можно определить как неспособность достичь поставленных целей и одностороннее прекращение военных действий. Война США в Ираке 2003-2010 гг. во многом подтверждает верность теории асимметричного конфликта¹⁴. Продолжающаяся война международной коалиции в Афганистане (равно как аналогичная война СССР двумя десятилетиями ранее или же вьетнамская война США) являются примерами того же порядка.

Клаузевиц писал о «*позитивной и негативной* природе политической цели». Он указывал, что победа в войне зависит от «двух тесно переплетающихся факторов»: размера средств, которыми располагают противники, и воли к победе. Невозможность достичь решающей победы — *позитивного политического действия* — можно компенсировать стремлением подорвать волю к победе через «изнурение» — *негативное политическое действие*. Среди способов «оказания давления на политические отношения» Клаузевиц называл: «истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация

¹³ Клаузевиц К. *О войне*, М., 2003, с.39, 230–231.

¹⁴ Дериглазова Л.В. «Идеальный провал: война США в Ираке через призму теории асимметричного конфликта», *Свободная мысль*, №3, 2010, с.5–16.

с целью использования их средств, предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это — средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника»¹⁵.

Модель асимметричного конфликта предлагает матрицу факторов, *которые приводят к подрыву воли сильного противника и заставляют его прекращать борьбу вопреки своим интересам*. Слабая сторона может быть представлена самыми различными акторами: непризнанным государством или государственным образованием, политической группой или движением, зависимой территорией или внесистемной террористической группой. Объединяет все эти категории вступление в борьбу с регулярными вооруженными силами государства с определенной политической целью; как правило, это создание независимого политического образования — государства или автономии в рамках существующего государства.

Таким образом, основными факторами, которые определяют возможность победы слабого над сильным, являются:

- постоянная воля к победе, проявляемая в способности к массовой мобилизации ресурсов на борьбу на протяжении длительного времени;
- затяжная война как проявление отсутствия поражения в борьбе против преобладающего по силе противника;
- преимущественное использование партизанских и террористических стратегий и тактик борьбы или же действий в горно-лесистой местности высокоподвижных подразделений регулярных/полурегу-

¹⁵ Клаузевиц К. *О войне*, с.24, 46–49.

- лярных войск слабой стороны, имеющий статус, атрибуты и возможности государственного актора;
- поддержка со стороны населения (активная поддержка партизан и террористических групп, участие в вооруженной борьбе);
- объединение политической элиты и всего общества на борьбу, преодоление внутривнутриполитических разногласий;
- получение материальной, военной, технической и иной помощи от внешних сил, в первую очередь, от великих держав;
- апелляция к международному сообществу за поддержкой справедливых целей борьбы и осуждением аморальности целей и методов ведения войны противником¹⁶.

Военная фаза карабахского конфликта (1992-1994 гг.) в целом соответствовала теории и логике асимметричного конфликта, однако при этом обладала специфическими факторами, способствовавшими победе. В частности, это проявилось в виде обратной асимметрии в качестве подготовки военнослужащих. В 2010 г. американская аналитическая корпорация «Рэнд» опубликовала монографию под названием «Победа имеет тысячи отцов: Источники успеха в антиповстанческих операциях¹⁷» и дополнительный том, в котором приведены

¹⁶ Графически модель представлена в *Приложении 2*.

¹⁷ Сегодня термин «антиповстанческие операции» – COIN (COunterINsurgency) нередко используется как синоним асимметричной войны. Наряду с этим термином применяют также понятия «герилья», «малая война», «нерегулярные военные действия», «неконвенциональные войны» и т.д. В антиповстанческих операциях принимают участие подразделения регулярной армии, участвуя в непрямых видах боевых действий против негосударственных противников. Об этом см. подробнее: Дериглазова Л.В. «К вопросу об эволюции феномена партизанской войны», *Мировая экономика и международные отношения*. № 4, Апрель 2009, с.95–103.

детали исследования, включая краткую характеристику 30 антиповстанческих операций¹⁸. На основе методов исторического анализа (*case studies*) и сравнительно-качественного подхода, американские эксперты исследовали наиболее значимые асимметричные конфликты с 1978 по 2008 гг. По мнению аналитиков, карабахский конфликт имеет свои достаточно специфические признаки и особенности.

В отличие от многих других локальных конфликтов современности, в карабахском конфликте формально «слабая сторона» (численно и по статусу), НКР, продемонстрировала в ходе боевых действий свое превосходство над «сильной стороной», Азербайджаном, в подготовке и боеготовности военных. Как отмечают эксперты корпорации «Рэнд», «пример Нагорного Карабаха интересен тем, что повстанцы были более профессиональными, лучше обученными и вооруженными, в то время как антиповстанческие силы (Азербайджана – прим. авторов) представляли собою скорее разрозненные группы бойцов». Авторы также отметили, что эта ситуация может быть объяснена тем, что в «Советской Армии дискриминировались мусульмане, и поэтому азербайджанцы обычно проходили обязательную военную службу в строительных или вспомогательных подразделениях. Напротив, тысячи армян служили в офицерских званиях и проходили боевую подготовку»¹⁹.

Не в последнюю очередь данный фактор объяснялся также особенностями процесса государственного строитель-

¹⁸ Paul, Christopher, Colin P. Clarke and Beth Grill. *Victory Has a Thousand Fathers. Sources of Success in Counterinsurgency*. Santa Monica: Rand Corporation, 2010; Paul, Christopher, Colin P. Clarke and Beth Grill. *Victory Has a Thousand Fathers. Detailed Counterinsurgency Case Studies*. Santa Monica: Rand Corporation, 2010.

¹⁹ Opt. cit., *Victory Has a Thousand Fathers. Detailed Counterinsurgency Case Studies*. p.224–225.

ства и формирования силовых институтов в постсоветских Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе. Несмотря на наличие атрибутов неполной государственности в советский период, Азербайджан к началу активной военной фазы конфликта не имел ни серьезного институционального военно-силового ресурса, ни соответствующего опыта для противостояния карабахским силам. К моменту формирования регулярной азербайджанской армии (примерно лето 1992 г.) у Нагорного Карабаха уже имелась полурегулярная армия с богатым опытом противостояния советским войскам, которые с момента введения в НКАО в 1988 г. и примерно вплоть до осени 1991 г. преимущественно поддерживали азербайджанскую сторону и ее коммунистические власти.

1.4 Учет асимметрии в межгосударственном конфликте

Стремление учесть специфику асимметричных конфликтов было заметно в международной политике на протяжении всей второй половины XX в. Прежде всего, государства старались модифицировать стратегию военных действий с учетом особенностей задач борьбы против относительно слабых противников. Общей тенденцией был переход к более осторожному, дозированному применению военной силы, уход от прямых военных интервенций во внутренние конфликты иностранных государств, более активное использование невоенных способов давления²⁰.

Изменения претерпевали и подходы к переговорному процессу. Более гибкими становилось отношение к статус-

²⁰ См. например: Кременюк В.А. «Современный международный конфликт: проблемы управления». *Международные процессы*, №1, 2003; Дериглазова Л.В. «Парадокс асимметрии в международном конфликте». *Международные процессы*, №3, 2005, с.89.

ным аспектам переговоров – стороны легче соглашались на ведение переговоров на базе неформального равенства их участников²¹. Больше внимания стало уделяться интересам слабой стороны и поиску «баланса интересов» участников конфликта. Эти изменения отчасти отражали опыт неудач переговорной тактики «с позиции превосходства», а отчасти были следствием использования методов математического моделирования конфликтов. Одной из основополагающих идей теоретико-игрового подхода было утверждение, что «разрешение конфликта возможно, если и только его участники окажутся в симметричных отношениях друг к другу»²².

По мнению ведущего американского специалиста В.Зартмана, изучение особенностей переговоров между асимметричными сторонами «без исключения сфокусировано на различных способах, которые использует слабая сторона для того, чтобы улучшить свое положение через уменьшение асимметрии». Причем асимметричные переговоры, отмечает В.Зартман, являются априори парадоксом, так как согласно результатам эмпирических исследований, «переговорный процесс наилучшим способом действует в условиях равенства сторон, и в действительности происходит только тогда, когда стороны обладают в какой-либо форме правом взаимного вето на результаты переговоров»²³.

Одним из факторов, оказывающим влияние на исход асимметричных конфликтов, является усиление норматив-

²¹ См. Лебедева М.М. *Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии*. М.: Аспект Пресс. 1997; Fisher, Roger and William L. Ury. *Getting to Yes. Negotiating Agreement Without Giving In*. NY, London: Penguin Books. 1991.

²² Светлов В.А. *Аналитика конфликта. Учебное пособие*. СПб.: ООО «Росток», 2001, с.304.

²³ Zartman, William. *Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars*, Washington, D.C., Brookings Institution, 1995, p.8.

ных и ценностных подходов в международной политике в период после Второй мировой войны. По мнению Н.А. Косолапова, такие концепции, как справедливость и легитимность, долгое время ассоциировались с системой норм, присущей замкнутому социуму, однако позднее они становятся основаниями международной политики²⁴. В основу послевоенного устройства были заложены демократические ценности и принципы, реализация которых порождала противоречия между нормами, принципами, заявленными ценностями и реальными условиями функционирования международной системы, объединяющей разнородных акторов²⁵.

Важную роль в исходе асимметричных конфликтов играют внешние силы – отдельные государства и международные организации. Причем они могут способствовать как «замораживанию» конфликта, так и его принудительному решению. Принуждение к миру нередко (хотя и не всегда) становится необходимым условием прекращения военной борьбы и урегулирования противоречий в затяжном внутреннем конфликте, причем зачастую в пользу слабого противника. Примером такого рода является балканское урегулирование 1990-х гг. и особенно «гуманитарная интервенция» НАТО по защите косовских албанцев.

П.Е. Смирнов, анализируя особенности «миротворчества второго поколения» после окончания Холодной войны, подчеркивает, что новая парадигма международного

²⁴ Косолапов Н.А. «Легитимность в международных отношениях: эволюция и современное состояние проблемы». *Мировая экономика и международные отношения*, №2, 2005, с.3-14.

²⁵ Определенную роль в распространении террористических тактик в международных конфликтах сыграло оправдание справедливых целей борьбы за «освобождение» и «самоопределение» со стороны либерально и левонастроенных политиков и движений в развитых странах, что привело к политической легитимации «борцов за свободу». См. подробнее: Hoffman, Bruce. *Inside Terrorism*. Indigo: London, 1999, p.26.

вмешательства в конфликты приводит в некоторых случаях к введению внешнего управления со стороны международных институтов. На территории бывшего СССР эта тенденция не проявлялась благодаря позиции России. Приход к власти новых политических лидеров в начале 2000-х гг. в Молдавии и Грузии, а также «наследование» власти в Азербайджане Ильхамом Алиевым после смерти его отца в конце 2003 г., наметили новый этап в эволюции неурегулированных этнополитических конфликтов, связанный с попытками их «разморозить» и добиться выгодного для себя решения²⁶.

Инициаторами «размораживания» конфликтов и изменения *status quo* становятся лидеры международно-признанных государств постсоветского пространства, которые проиграли борьбу в этнополитических конфликтах первой половины 1990-х гг., что привело к фактическому отделению от них ряда территорий и образования *de facto* самостоятельных государств. По целому ряду причин ситуацию изменить не удалось, а в случае с Грузией в результате «Пятидневной войны» в августе 2008 г. попытка решения этнополитического конфликта военным путем стала катастрофической для ее инициатора.

Важной чертой многих современных асимметричных конфликтов стала тесная увязка с феноменом непризнанных или *de facto* государств. На фоне размывания понятия суверенитета международное признание и эффективная государственность не всегда сопутствуют друг другу. Так Сомали, Афганистан и некоторые другие государства десятилетиями не контролируют свою территорию, однако при-

²⁶ Смирнов П.Е. «“Мерцающий режим” конфликтов самоопределения в Восточной Европе». *Международные процессы*, №2, 2006, с. 25, 27-28.

знаны международным сообществом и представлены в ООН. В то же время Косово, Тайвань, Абхазия, Южная Осетия, Северный Кипр и Нагорный Карабах являются частично признанными или непризнанными мировым сообществом образованиями с действенной системой управления. Феномен непризнанных или *de facto* государств подтверждает логику теории асимметричного конфликта, придавая ей дополнительные аргументы при рассмотрении возможных сценариев завершения борьбы.

Глава 2. Асимметрии в карабахском конфликте

Карабахский конфликт можно анализировать, используя концепцию *асимметрии* и *асимметричного конфликта*. Подчеркнем, что это не идентичные построения, а частично перекрывающиеся друг друга множества гипотетических и реальных отношений сторон в конфликте. Для большей простоты понимания подчеркнем, что концепцию *асимметричного конфликта* мы будем использовать в первую очередь для обозначения всей совокупности конфликтных отношений между сторонами с нетождественными международно-правовыми и политическими статусами (Азербайджан и Нагорный Карабах), а концепцию *асимметрии* – для анализа отдельных характеристик конфликта, включая военно-силовое противостояние сторон с различающимися количественными и ресурсными показателями (Азербайджан против Нагорного Карабаха и Армении).

По мнению К.Митчелла, необходимо учитывать «кластеры асимметрий», которые позволяют лучше понимать и классифицировать конфликты. Он называет ключевые асимметрии конфликтной системы: 1) статусная или легальная асимметрия; 2) асимметрия ресурсов или возможностей,

включая асимметрию сдерживания или «неравенства сил» (*power imbalance*); и 3) поведенческая асимметрия/тактики. Кроме того, он выделяет моральную и структурную асимметрию, а также асимметрию взаимозависимости и приверженности целям (*commitment*)²⁷. Развернутая схема анализа асимметричных отношений и стратегий, составленная К. Митчеллом, представлена в *Приложениях 3 и 4*.

Выделим и проанализируем структурные и динамические характеристики карабахского конфликта, учитывая логику асимметрии:

- статусы сторон;
- последствия конфликта;
- наличествующие ресурсы (материальные и нематериальные);
- военно-политическое измерение и баланс силовых потенциалов;
- интересы сторон;
- формы конфликтного взаимодействия/стратегии борьбы;
- отношение населения и элит к конфликту/дискурс конфликта в общественно-политической жизни стран;
- влияние внешних сил.

2.1. Статусы сторон

Определение статусов сторон в асимметричном конфликте существенно для выявления допустимых границ компромиссов между ними, позиций заинтересованных сторон, возможности участия международного сообщества, а также

²⁷ Mitchell, Christopher. "Asymmetry and Strategies of Regional Conflict Reduction." *Cooperative Security: Reducing Third War Wars*, p.26-27.

форм взаимодействия между прямыми и непрямыми участниками конфликта. Результаты военной фазы конфликта в 1992–1994 гг. представляют собой пример поражения формально «сильной стороны», международно-признанного государственного актора – Азербайджанской Республики, в противостоянии с государственным образованием с непризнанным статусом – Нагорно-Карабахской Республикой. Причины победы НКР и возможности последующего урегулирования противоречий между конфликтующими сторонами должны рассматриваться с учетом теории асимметричного конфликта.

Основными сторонами конфликта являются Азербайджан, суверенное государство, и Нагорно-Карабахская Республика (НКР), непризнанное государственное образование, вышедшее из-под контроля Советского Азербайджана в результате массового движения армянского населения Нагорного Карабаха в конце 1980-х гг. и провозглашенное независимым государством на закате существования СССР²⁸. Несомненно, прямым участником конфликта явля-

²⁸ Нагорно-Карабахская Республика была провозглашена 2 сентября 1991 г. по результатам заседания исполнительных органов Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) и прилегающего Шаумянского района с преимущественно армянским населением. В соответствии с действовавшим на тот момент советским законодательством, в частности, Законом СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», предусматривалось право национальных автономий и регионов с компактным проживанием этнических меньшинств (пункты 3 и 6) самостоятельно решать вопрос о своем государственно-правовом статусе в случае выхода союзной республики, в которую они до этого входили, из состава СССР. 10 декабря 1991 г., всего за несколько дней до официального распада СССР, в Нагорном Карабахе состоялся референдум о независимости, затем был избран парламент, сформировавший первое правительство НКР. С учетом этого Нагорный Карабах никогда *de facto* не находился в составе независимого азербайджанского государства, которое имело возможность осуществлять контроль на его территории лишь в советское время.

ется Армения, которая оказывала всемерную помощь Нагорному Карабаху в обретении независимости и обеспечивает возможность физического, экономического и политического существования НКР. Военная стадия конфликта завершилась в мае 1994 г. подписанием министрами обороны Армении и Азербайджана и командующим Армией обороны Нагорного Карабаха Бишкекского протокола о прекращении огня и Договоренности о прекращении огня²⁹.

Вместе с тем, учитывая непризнанность Нагорного Карабаха, на международной арене этот конфликт зачастую рассматривается в контексте противостояния между Арменией и Азербайджаном. Армения ведет прямые переговоры с Азербайджаном по поводу мирного урегулирования карабахского конфликта, при этом официальный Ереван обобщает это тем, что в них он представляет также и интересы Степанакерта.

Азербайджан обрел независимость в 1991 г., является членом ООН и ОБСЕ с 1992 г., с 2001 г. входит в Совет Европы. Азербайджан присоединился к СНГ осенью 1993 г., а весной 1994 г. — к Договору о коллективной безопасности. Однако в 1999 г. Азербайджан вышел из ДКБ и присоеди-

Тем более АР уже не контролировала территорию НКР в момент принятия Азербайджана в состав ООН в марте 1992 г. В июле 1988 г. указом президента СССР М.Горбачева Нагорный Карабах был напрямую переподчинен Москве, посредством создания Комитета особого управления (КОУ) во главе с Аркадием Вольским. По признанию лидера Советского Азербайджана и впоследствии президента независимого Азербайджана Гейдара Алиева, тем самым Карабах был фактически выведен из подчинения Баку: «Карабах был отторгнут от Азербайджана в 1988 году... создание КОУ фактически означало отторжение Карабаха от Азербайджана. Возглавляемый Вольским Комитет подчинил НК непосредственно Москве, хотя де-факто он подчинялся Армении». Цит. по: Акопян Т. *Карабахский дневник. Зеленое и черное или ни войны ни мира*. Ер.: 2010, с.78.

²⁹ Подробнее о процессе подписания договоренностей о прекращении огня см.: Казимиров В.Н. *Мир Карабаху*. М., 2009.

нился к ГУУАМ, региональной группировке, в которую вошли также Грузия, Украина, Узбекистан (в 1999-2005 гг.) и Молдова³⁰.

Армения объявила свою независимость по результатам референдума о независимости 21 сентября 1991 г. Страна с 1992 г. является членом ООН и ОБСЕ, а с 2001 г. — Совета Европы. Армения входит в СНГ с 21 декабря 1991 г., является подписантом Договора о коллективной безопасности в Ташкенте 15 мая 1992 г., а после преобразования ДКБ в полноценную военно-политическую организацию в 2002 г. — членом ОДКБ.

Азербайджан и Армения участвуют в программе НАТО «Партнерство ради мира», и с разницей в полгода согласовали «Индивидуальные планы действий партнерства» в рамках НАТО — 27 мая и 16 декабря 2005 г. соответственно³¹. Армения и Азербайджан с 2004 г. участвуют в программе Европейского Союза «Политика европейского соседства», а с мая 2009 г. — в новой программе сотрудничества ЕС со странами постсоветского пространства — «Восточное партнерство».

НКР является непризнанным государственным образованием с республиканской формой правления. При наличии всех атрибутов суверенного государства³², НКР не по-

³⁰ Bailes, Alyson JK., Vladimir Baranovsky and Paul Dunay. "Regional Security Cooperation in the Former Soviet Area". *SIPRI Yearbook. 2007. Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford University Press, 2007, p.179-183.

³¹ *Индивидуальные планы действий партнерства, Организация Североатлантического договора*: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49290.htm?selectedLocale=ru.

³² Важными атрибутами суверенного государства являются: формирование властей путем всеобщих демократических выборов, постоянно функционирующие государственные институты и система социальной защиты населения, эффективный контроль над своей территорией, наличие регулярных вооруженных сил, которые комплектуются путем призыва и находятся под гражданским контролем.

лучила международного признания³³. Вопрос определения окончательного статуса Нагорного Карабаха является предметом официальных переговоров, ведущихся при посредничестве Минской группы ОБСЕ.

Ввиду того, что карабахский конфликт также связан с противоречиями между государственными акторами с одинаковым международно-правовым статусом (Арменией и Азербайджаном), он может трактоваться как *асимметричный* по статусу конфликтующих сторон только в одном своем измерении: Азербайджан – Нагорный Карабах. НКР является хотя и непризнанным, но все же отдельным актором конфликта, со своими интересами и приоритетами. Комплекс противоречий, который существует между Азербайджаном и Арменией, во многом является следствием карабахского конфликта, что делает урегулирование в треугольнике Азербайджан – НКР – Армения крайне сложным и требует комплексного/пакетного решения проблем.

³³ В современном международном праве не существует общепринятых подходов или критериев к природе и международно-правовым последствиям признания новых государств или государственных образований. Согласно некоторым подходам, международное признание со стороны остальных государств является необходимым условием его международной правосубъектности. В тоже время, в последнее время получила большее распространение декларативная теория признания, согласно которой признание лишь констатирует появление нового субъекта международных отношений, но не создает его. В любом случае, признание является актом доброй воли со стороны другого государства, руководствующегося своими интересами. Вместе с тем, факт не членства государства в ООН не является показателем его непризнанности или отсутствия международно-правовой субъектности. ООН не является ни государством, ни правительством, следовательно, не может осуществлять наиболее важное условие признания – устанавливать дипломатические отношения. Однако очевидно, что членство любого государства в ООН является важным символом его международно-правовой субъектности.

Таким образом, карабахский конфликт можно трактовать двояко:

а) как *асимметричный*, если ограничить его рассмотрение одним измерением, то есть противостоянием Азербайджанской Республики и НКР. При таком подходе проблема обретает характер дилеммы в рамках противоречивых установок в действующем международном праве: права наций на самоопределение и права государств на сохранение территориальной целостности. Ситуацию усложняет и то, что формы самоопределения Нагорного Карабаха исторически менялись, как менялись и внешние силы, которые влияли на содержание и ход перемен³⁴.

б) как *симметричный*, т.е. классический межгосударственный конфликт равных по статусу акторов. В этом случае две конфликтующие стороны – Армения и Азербайджан – обладают формально одинаковыми возможностями влияния и выбора стратегии, согласно существующим правилам регулирования международных споров и имеющимся ресурсам. Обе страны являются полноправными участниками международных и региональных организаций (ООН, ОБСЕ, Совет Европы), которые они используют для решения проблемы и в информационно-пропагандистских целях. Урегулирование конфликта происходит при посредничестве великих держав в рамках Минской группы, созданной в 1992 г. под эгидой СБСЕ/ОБСЕ под сопредседательством США, России и Франции. Вместе с тем, и в данном измерении также существует определенная асимметричность, но уже в военно-силовых и ресурсных потенциалах двух международно-признанных акторов противостоя-

³⁴ См. Цуциев А.А. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004)*. М., 2006.

ния – Республики Армения и Азербайджанской Республики (см. подробнее ниже).

Следовательно, исходя из анализа статусов сторон карабахского конфликта, урегулирование противоречий происходит одновременно в двух плоскостях – асимметричной и симметричной, при этом сама асимметрия является сложной системой со многими дополнительными элементами.

2.2. Ресурсы

Рассмотрим основные показатели материальных и нематериальных ресурсов сторон, которые можно представить в исчисляемом виде³⁵. Анализ ресурсов помогает увидеть наличие реальных *возможностей* сторон к мобилизации и продолжению борьбы. Это также помогает увидеть линии напряжения и последствия конфликта, возможности и условия достижения компромисса.

Оценка ресурсов сторон конфликта является сложной задачей, так как требует учета материальных и нематериальных ресурсов, т.е. оценки исчисляемых и неисчисляемых показателей. К методологии оценки национальной силы неоднократно обращались ведущие ученые-международники. Американский классик международных отношений Ганс Моргентау выделял несколько показателей, которые можно использовать для этой цели: географические характеристики; экономическая и военная мощь; природные и

³⁵ В науке о международных отношениях делались неоднократные попытки квантификации, т.е. нахождения измеряемых показателей качественных состояний участников международного взаимодействия. Так, «национальная сила» является комплексным и качественным понятием, которое можно квантифицировать. Уровень развития страны – другое качественное состояние, которое можно квантифицировать, опираясь на измеряемые показатели.

людские ресурсы, особые качества населения страны, такие как мораль, национальный характер; характер политической системы и правительства³⁶.

Французский классик мировой политической науки Раймон Арон проводил различие между понятиями «сила» и «могущество». «Силой» он называл потенциал, то есть «комплекс материальных, людских и моральных ресурсов». Понятие «могущества» обозначает реальную силу, то есть «приведение в действие этих сил в определенных обстоятельствах и для достижения определенной цели». В отношении государств «могущество» означает привлечение имеющихся ресурсов «для проведения внешней политики в военное и мирное время»³⁷. В то же самое время Р.Арон писал о «неопределенности в измерении могущества»³⁸. В последние годы исследователи активно используют понятие «жесткой и мягкой силы», что вносит дополнительные нюансы в толкование силы в международных отношениях и возможностей ее измерения³⁹.

В базе данных проекта «Корреляты войны» под руководством Дэвида Зингера была собрана информация о материальном потенциале многих стран мира с начала XIX в. В качестве исчисляемых индикаторов были использованы данные о военных, индустриальных и демографических индикаторах страны: численность вооруженных сил, военные расходы, численность населения, чис-

³⁶ Morgenthau, Hans J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Boston: McGraw-Hill, 1993, p.113-179.

³⁷ Арон Р. *Мир и война между народами*, М.: Nota Bene, 2000, с.98-99.

³⁸ Там же, с.112-120.

³⁹ Кейган Р. *О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке*, М., 2004.; Зевелёв И.А., Троицкий М.А. «Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ», *Очерки текущей политики*, Выпуск 2. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006.

ленность городского населения, потребление железа и стали, потребление энергии. По мнению участников проекта, эти данные позволяют производить корректное сравнение материального потенциала, реализуемого для национальной мощи различных стран. Отмечалось также, что другие важные показатели, которые имеют отношение к национальной силе и ее эффективному использованию – эффективность политических институтов, образованность населения, легитимность режима, профессиональная компетенция национальной элиты, отвечающей на безопасность страны – сами по себе не являются компонентом такого потенциала⁴⁰. Эти показатели трудно представить в исчисляемом виде (или квантифицировать), однако их можно учитывать при изучении отдельных случаев (*case studies*), что особенно важно при анализе асимметричных конфликтов.

При анализе асимметричного конфликта между акторами с различными международно-правовыми статусами возникают дополнительные сложности измерения силы негосударственного или непризнанного образования. Зачастую отсутствует проверяемая статистика, возможно двойное исчисление людских и материальных ресурсов, которые могут быть засчитаны в пользу признанного государства, на территории которой происходит борьба. Известным фактом является стремление оппозиции преувеличить число своих сторонников, и противоположное стремление государственного актора преуменьшить численность оппозиции и ее сторонников. Другим фактором,

⁴⁰ Correlates of War Project. National Material Capabilities Data Documentation. Version 4.0. Last update: June 2010, p.4, http://www.correlatesofwar.org/COW2%20Data/Capabilities/NMC_Codebook_4_0.pdf.

усложняющим решение этой задачи, является учет объема помощи внешних игроков.

В случае карабахского конфликта можно сопоставить показатели национальной силы Азербайджана и Армении, однако данные по НКР по очевидным причинам могут отсутствовать, либо являться неточными и неполными (см. Приложение 5). Официальная статистика показывает, что Азербайджан обладает большими материальными и людскими ресурсами по сравнению с Арменией и Нагорным Карабахом. В Азербайджане отмечен рост численности населения, хотя миграционный коэффициент там, как и в Армении, отрицателен. Согласно данным, представленным на официальном сайте Содружества Независимых Государств, по состоянию на 1 января 2010 г. население Азербайджана составляло 8,997 млн. чел., включая население, проживающее на территориях, контролируемых НКР⁴¹. Эта цифра превышает данные, приведенные в таблице, на 761 тыс. человек. Данные по Армении представлены по состоянию на 1 января 2003 г. и составляют 3,210 млн. человек⁴², что на 243 тыс. человек больше, чем в таблице.

Азербайджан имеет более выгодное географическое положение, обеспечивающее ему удобные и разнообразные транспортные коммуникации: акватория Каспийского моря, авиация, железнодорожный и автомобильный транспорт. Армения после войны в Нагорном Карабахе фактически находится в условиях коммуникационной и транспортной блокады со стороны Азербайджана и поддерживающей его Турции.

⁴¹ <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=210>.

⁴² <http://cis.minsk.by/main.aspx?uid=212>.

Наличие запасов нефти и газа обеспечивают быстрый и стабильный рост экономики Азербайджана и повышает заинтересованность других стран в поддержании с ним дружественных отношений, но отнюдь не является гарантией стабильного экономического и политического развития этой постсоветской страны, находящейся на сложном этапе развития. Существует даже термин «нефтяное проклятие», характеризующее тот набор проблем, с которыми сталкиваются нефтедобывающие государства ввиду неконтролируемого потока денежных средств, становящихся темной стороной фасада экономического благополучия. Это ситуация, с которой столкнулись целый ряд государств, таких как Россия, Мексика, Венесуэла, Нигерия и др.⁴³

Сравнение ресурсов сторон показывает, что последствия конфликта в большей степени отрицательно сказываются на армянской стороне. Влияние мирового кризиса также в большей степени негативно отразилось на экономике Армении⁴⁴. Урегулирование карабахского конфликта необходимо для нормального экономического развития Армении, которая, несмотря на очевидный прогресс, все же испытывает серьезные трудности в развитии. НКР также нуждается в восстановлении нормальной экономической жизни и интеграции в региональное и международное сотрудничество.

⁴³ См. подробнее: Минасян Сергей. «Нефтяной фактор и политика Азербайджана в карабахском конфликте. Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта», *Аналитические записки Института политических исследований*, вып. 3, Ереван, 2009; Boonstra, Jos, Edward Burke and Richard Youngs. "The Politics of Energy: Comparing Azerbaijan, Nigeria and Saudi Arabia." *FRIDE Working Paper N.86*, September, 2008.

⁴⁴ Armenia – Impacts of the Global Financial Crisis: Follow-up Study. March 2010. URL: <http://documents.wfp.org/stellent/groups/public/documents/ena/wfp220215.pdf>.

Несмотря на отрицательное влияние неурегулированного конфликта, Армения находится на достаточно высоком уровне развития по сравнению с другими странами региона. Так, уровень человеческого развития Армении, согласно данным ООН, не уступает уровню ее соседей по региону – крупного импортера энергоресурсов Азербайджана и Грузии – транзитного государства, по территории которого проходят почти все реализованные региональные коммуникационные и энергетические проекты. Согласно Ежегодному докладу о человеческом развитии за 2009 г. Программы развития ООН (ПРООН/UNDP), содержащему данные об уровне жизни и социальной защищенности жителей различных стран мира, показателям здоровья, уровня образования и культурного развития населения, состояния преступности и охраны окружающей среды Армения занимает в мире 84-е место, Азербайджан – 86-е, а Грузия – 89-е⁴⁵. Турция и Иран, граничащие со странами Южного Кавказа, занимают в классификации ПРООН соответственно 79-е и 88-е места.

Кроме того, ресурсное преобладание Азербайджана не гарантирует победу в случае военного конфликта, принимая во внимание сложившийся военно-технический и военно-политический баланс. Учитывая опыт военных действий начала 1990-х гг., в случае эскалации конфликта вполне возможным представляется развитие событий по асимметричному сценарию. Для более четкого представления о данном феномене следует подробнее остановиться на военно-политическом измерении конфликта и проанализировать силовой потенциал сторон.

⁴⁵ Для сравнения, на постсоветском пространстве Россия заняла 71, Казахстан – 82, Украина – 85, Молдова – 117 места. См. подробнее: *Human Development Report 2009*. UNDP, New York, 2009, p. 144.

2.3. Военно-политическое измерение и анализ силовых потенциалов сторон

Количественные и качественные характеристики вооружений и военной техники (ВВТ) используют для сопоставления сил противников, однако для такого рода конфликтов измерение и сравнение этих показателей возможно со значительной долей условности. Для международно-признанного актора — участника конфликта — этот показатель проверяем благодаря существующей системе учета вооружений и официальной статистике, имеющихся у этого государства обязательств в рамках членства в международных организациях, или же договорах и режимах по контролю над вооружениями и военной деятельностью (таких, как ДОВСЕ или Венский документ о мерах по укреплению доверия и безопасности). Для непризнанного актора этот показатель представляется плохо верифицируемым, так как официальная статистика, как правило, отсутствует, и нет соответствующих международно-правовых обязательств⁴⁶.

Однако можно получить представление о наличии и использовании отдельных видов вооружений через информацию о поставках того или иного рода ВВТ в зону конфликта третьей стороной. То же самое замечание можно сделать об объеме затрат на военные цели: для международно-признанного игрока это более или менее верифицируемые данные, для актора с меньшим статусом — почти нерелевантная информация. Тем не менее, на основе официальных и экспертно-оценочных данных о во-

енном потенциале сторон можно составить картину военного баланса в зоне карабахского конфликта⁴⁷.

Как мы видим из таблицы в *Приложении 6*, Азербайджан обладает перевесом в численности личного состава, в ударной и армейской авиации, в танках и легкой бронетехнике, РСЗО крупного калибра, тактических ракетных комплексах и по ряду других показателей. Карабах и Армения имеют превосходство в оперативно-тактических ракетах и самоходной артиллерии калибра 152-мм, а также существенное преимущество в системах ПВО, в том числе ЗРК С-300 и системах среднего радиуса действия.

На вооружении азербайджанских ВВС находится большое количество боевых самолетов и вертолетов, по различным оценкам, вместе с учебно-боевыми самолетами типа Л-29 и Л-39 — примерно 100-120 единиц⁴⁸. В случае войны авиация Азербайджана должна будет противостоять объединенной эшелонированной системе ПВО Армении и Нагорного Карабаха⁴⁹, достаточно

⁴⁶ См. подробнее: Минасян Сергей. «Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ», *Россия в глобальной политике*, №3, Май — Июнь 2008.

⁴⁷ Подробнее о военно-политической ситуации в зоне карабахского конфликта и анализе потенциалов сторон см.: Минасян Сергей. «Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво?» *Аналитические доклады Института Кавказа*, №2, Ереван, август 2010.

⁴⁸ В их числе значительное количество штурмовиков Су-25, предназначенных для огневой поддержки сухопутных сил, и несколько фронтовых бомбардировщиков Су-24; и те, и другие хорошо себя зарекомендовали в ходе многих локальных конфликтов. В последние годы Азербайджан приобрел у Украины модернизированные истребители МиГ-29 и учебно-боевые самолеты Л-39; а у Беларуси — штурмовики Су-25. Кроме того, у Азербайджана есть истребители МиГ-25 советского производства, из которых сейчас боееспособны около 10-12 единиц. Они предназначены в основном для воздушных боев, что учитывая малую численность армянской авиации не очень актуально.

⁴⁹ Система ПВО Армении и НКР включает зенитно-ракетные комплексы дальнего (С-300) и среднего радиуса действий (С-125, С-75, «Круг», «Куб»), зенитно-ракетные и зенитно-артиллерийские комплексы ближнего радиуса и переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК) («Оса», «ОСА-АКМ», ЗСУ-23-4, «Стрела-10», ПЗРК «Стрела-2/-3» и «Игла»). Ее планируется усилить новыми РЛС, выпускаемыми предприятиями армянского ВПК, в частности, на базе модернизированной российской станции П-18.

надежно прикрывающей воздушное пространство и совместимой с дислоцированными на территории Армении подразделениями ВВС и ПВО российской 102-й военной базы⁵⁰.

Для подавления армянской системы ПВО Азербайджан закупил противолокационные ракеты для оснащения самолетов Су-24 и МиГ-25, а также беспилотные самолеты-разведчики (БПЛА) израильского производства⁵¹, что может создать проблемы для армянской ПВО в силу как дополнительных возможностей обнаружения позиций ЗРК, так и увеличения количества реальных и ложных воздушных целей в небе Карабаха. Кроме того, опасность для армянской ПВО могут представлять ракетно-артиллерийские удары⁵². С учетом сложного горного рельефа местности в Нагорном Карабахе, Азербайджан сможет достаточно эффективно использовать ударные вертолеты Ми-24, количество которых у азербайджанской армии в последние годы увеличилось

⁵⁰ Эскадрилья самолетов МиГ-29, 2 дивизиона ЗРК С-300В и 1 дивизион ЗРК «Куб».

⁵¹ В 2008-2009 гг. в Израиле было закуплено 4 комплекса БПЛА «Aerostar» и 10 комплексов «Hermes-450». Каждый комплекс включает в себя 4-8 беспилотных летательных аппаратов. Кроме того, у Азербайджана есть и БПЛА малого радиуса действия типа «Orbiter».

⁵² В 2004-2005 гг. Азербайджан закупил у Украины 12 пусковых установок (ПУ) РСЗО 9А52 «Смерч» и как минимум 144 ракет 9М55К ним. Системы «Смерч» имеют дальность стрельбы от 70 до 90 км (в зависимости от типа ракет), однако Украина имела только кассетные осколочно-фугасные ракеты 9М55К с дальностью стрельбы до 70 км, оставшиеся при разделе ВВГ бывшей Советской Армии. В 2006-2009 гг. Азербайджан закупил у Израиля 6 ПУ РСЗО «Lynx», ведущих стрельбу тремя типами ракет (122-мм «Град», 160-мм LAR и 300-мм «Extra») и имеющих достаточно высокую точность попадания. Было закуплено 50 300-мм ракет «Extra» с заявленной дальностью стрельбы до 150 км, но данных об их успешных учебных стрельбах нет. В 2002 г. Азербайджаном в Болгарии было закуплено 36 130-мм дальнобойных буксируемых артиллерийских систем М-46, а в 2008-2009 гг. в Беларуси — 12 203-мм самоходных орудий 2С7 «Пион» (http://unhq-appspub-01.un.org/UNODA/UN_REGISTER.nsf). Кроме этого, не менее 24 дальнобойных 152-мм орудий 2А36 «Гиацинт» досталось Азербайджану при разделе советского военного имущества из состава дислоцированной на его территории 4-й армии ВС СССР.

примерно до 30⁵³. При этом большинство из них модернизируются в модификацию Ми-24G с возможностью выполнения боевых задач ночью и в сложных метеоусловиях⁵⁴.

Главной ударной силой армянской армии являются сухопутные войска. Авиация ее слабее азербайджанской, хотя в 2004 г. Армения купила у Словакии партию штурмовиков Су-25, и сейчас у Армении не менее 15 Су-25 различных модификаций. Однако отсутствие истребительного прикрытия затрудняет эффективное использование штурмовой авиации. У Азербайджана больше истребителей (в том числе закупленные в Украине МиГ-29), и он планирует купить новые и модернизировать имеющиеся системы ПВО. Соответственно, применение армянской авиации может носить только локальный характер.

Впрочем, успех наступления сухопутных сил, как показывает опыт, не гарантирован даже подавляющим превосходством в военной авиации. Это продемонстрировало вторжение Израиля в Ливан летом 2006 г. Сильнейшие в регионе Большого Ближнего Востока израильские ВВС, оснащенные самыми современными самолетами и имевшие на вооружении высокоточные системы оружия, не смогли сломить сопротивление нерегулярных отрядов «Хезболлах», из средств ПВО оснащенных только ПЗРК. Азербайджан же не в состоянии даже гипотетически достичь такого абсолютного и безнаказанного превосходства в воздухе, какое было у израиль-

⁵³ По сведениям Регистра ООН по конвенциональным вооружениям, в 2009 г. в Украине было закуплено 11 ударных вертолетов Ми-24. См. подробнее: http://unhq-appspub-01.un.org/UNODA/UN_REGISTER.nsf.

⁵⁴ Модернизация Ми-24 ведется с помощью украинских специалистов по программам «Super Hind Mk.3» и «Super Hind Mk.4» южноафриканской компании АТЕ. См. подробнее: *ЮАР и Украина продолжают программу модернизации ударных вертолетов ВС Азербайджана*, <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2010/0709/13005140/detail.shtml>.

ских ВВС во время ливанской кампании 2006 г. Азербайджанские ВВС имеют лишь до 40 боевых самолетов, специализированных для бомбоштурмовых ударов по наземным целям (самолеты Су-24 и Су-25, а также устаревшие Су-17 и Су-20); отчасти эти задачи могут выполнять также и модернизированные истребители МиГ-29. Так или иначе, как и в войне 1992-1994 г., исход вероятных боевых действий в Карабахе будет решаться на земле, но при значительной роли артиллерии и ракетных систем.

Хотя азербайджанская армия имеет численный перевес над армянскими и карабахскими войсками, она пока не в состоянии обеспечить «классическое» трехкратное превосходство в бронетехнике на линии главного удара для прорыва эшелонированной и фортификационно укрепленной системы обороны карабахской армии. Фактор выгодной для Карабаха конфигурации границ и эшелонированной линии обороны не поддается квантификации, однако очевидно, что он повышает потенциал обороняющейся стороны и тем самым уравнивает количественное превосходство наступающей стороны по ряду категорий ВВТ и численности личного состава.

Как показывает даже поверхностный военно-технический анализ, асимметрия численных показателей и ресурсов, в полном соответствии с логикой асимметричного конфликта, не обеспечивает безусловной победы количественно преобладающего актора. Тем более, что теория военного искусства в настоящее время не содержит «удовлетворяющих практику количественных законов, имеющих адекватное математическое выражение, необходимое для точного прогнозирования хода вооруженной борьбы»⁵⁵.

⁵⁵ Вакхаус М.Ф. «Сущность и механизм действия законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер», *Военная мысль*, №3, 2008, с.71.

2.4. Последствия военной фазы конфликта

Военная фаза конфликта завершилась в 1994 г. фактической победой НКР и Армении. Постконфликтная ситуация характеризуется наличием ряда проблем, возникших вследствие войны и ее итогов.

2.4.1. Проблема территорий и статуса Нагорного Карабаха

По результатам перемирия, карабахская армия контролирует большую часть (более 92%) территории бывшей НКАО, а также – полностью или частично – семь районов вне ее пределов⁵⁶. Власти Нагорного Карабаха называют эти семь районов «зоной безопасности». Азербайджан утверждает, что все контролируемые НКР территории в общей сложности составляют около 20% территории Советского Азербайджана. По подсчетам Международной кризисной группы, под контролем НКР находится приблизительно 13,4% территории бывшего Советского Азербайджана (около 11 722 кв. км.).

Азербайджан контролирует примерно 7,5% территории бывшей НКАО (восточные окраины Мардакертского и Мартунинского районов), а также весь Шаумянский район, не входивший в НКАО, но бывший в значительной степени армянонаселенным и вошедший в состав НКР на момент ее провозглашения в сентябре 1991 г. Соответственно, власти Нагорного Карабаха утверждают, что Азербайджан контролирует примерно 15% территории НКР⁵⁷.

⁵⁶ Полностью Кельдбаджарский, Лачинский, Зангеланский, Джебраильский и Кубатлинский районы, большая часть Агдамского и часть Физулинского района.

⁵⁷ «Нагорный Карабах: взгляд на конфликт с места событий», *Европейский доклад Международной кризисной группы №166*, Брюссель, 14 сентября 2005, с.1-2.

В зоне конфликта и поныне имеются значительные территории, опасные для жизни из-за находящихся там со времен войны мин и боеприпасов, а также обширная географическая зона отчуждения между конфликтующими сторонами, где невозможна нормальная мирная жизнь.

Руководство НКР утверждает, что до решения главной проблемы конфликта – подписания мирного соглашения и определения статуса Нагорного Карабаха – сдача семи районов вокруг бывшей НКАО ослабит позиции армянских сторон и лишь усилит вероятность войны. Со своей стороны, Азербайджан отказывается вести прямые переговоры с НКР или обсуждать вопрос статуса Нагорного Карабаха, пока армянские/карабахские войска не будут выведены из этих семи районов. Армения и НКР готовы обсуждать вопрос вывода войск из этих районов лишь при условии предоставления гарантий безопасности (например, международного статуса для НКР, лишаящего Азербайджан стимулов для начала новой войны), которые будут не ниже тех физических гарантий, которые карабахцы имеют в настоящее время (в том числе нынешняя конфигурация границ и фортификационных сооружений). Соответственно, урегулирование замыкается на взаимосвязанных проблемах статуса и территорий.

2.4.2. Вопрос беженцев и перемещенных лиц

Данные о беженцах и внутренне перемещенных лицах⁵⁸ также разнятся. По данным Международной кризисной груп-

⁵⁸ ЛПВС или ВПЛ – лица, перемещенные внутри страны или внутренне перемещенные лица – термин, принятый в международном гуманитарном праве. См. подробнее: *Беженцы и перемещенные лица в международном гуманитарном праве. Сайт Международного Комитета Красного Креста*, http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/iwplList2/Humanitarian_law_Refugees_and_IDPs?OpenDocument.

пы, в результате конфликта около 413 тыс. армян бежало из Азербайджана, приграничных районов Армении и Нагорного Карабаха, и около 724 тыс. азербайджанцев бежало из Армении, Нагорного Карабаха и окружающих районов⁵⁹. Многие перемещенные лица по истечении почти 20 лет по-прежнему не имеют нормальных условий жизни (жилье, стабильный доход, работа, медицинское обслуживание, доступ к образованию детей, возможность воссоединения семей), часто страдают от посттравматического синдрома⁶⁰.

Кроме гуманитарных проблем, эти многочисленные и необеспеченные страты азербайджанского и армянского общества могут являться источником реваншистских настроений, подобно палестинским беженцам в арабских странах. Проблема беженцев поднимается обеими сторонами (азербайджанской – по понятным причинам, больше), однако наряду с этим поднимается и проблема невозможности совместного существования. С другой стороны, за неполные два десятилетия после завершения военной фазы конфликта проблема беженцев претерпела определенную трансформацию, связанную, в том числе, и с постепенной абсорбцией беженцев в местах нового проживания и смены поколений⁶¹.

Кроме того, проблема беженцев, наряду с ее объективной гуманитарной важностью, является чрезвычайно поли-

⁵⁹ Там же, с.2.

⁶⁰ “Internal Displacement. Global Overview of Trends and Developments in 2009”, *Internal Displacement Monitoring Centre, Norwegian Refugee Council*, p.55-56, [http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/\(httpInfoFiles\)/8980F134C9CF4373C1257725006167DA/\\$file/Global_Overview_2009.pdf](http://www.internal-displacement.org/8025708F004BE3B1/(httpInfoFiles)/8980F134C9CF4373C1257725006167DA/$file/Global_Overview_2009.pdf); “Azerbaijan: UN Rights Expert on Displaced Persons Urges Progress in Peace Process”, *UN News Centre*, 28.05.2010. URL: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=34847>.

⁶¹ Например, по сведениям азербайджанского агентства «Туран», 22 сентября 2010 г. аналитический центр «Сигма» презентовал в Баку свой доклад «Положение вынужденных переселенцев в Азербайджане».

тизированной и используется всеми сторонами конфликта как ресурс политической и информационно-пропагандистской борьбы, особенно на уровне международных структур и организаций.

2.4.3. Региональная нестабильность и необходимость экономического сотрудничества

Транспортно-коммуникационная блокада Армении, которую осуществляют Азербайджан и поддерживающая его Турция, сильно ограничивает коммуникационные возможности Армении. Если до начала карабахского конфликта большая часть товарооборота в Армению шла по железной дороге Москва-Баку-Ереван, то сейчас железнодорожные грузопотоки осуществляются только через территорию Грузии, автомобильные – через территорию Грузии и Ирана, а значительный сегмент торговых связей, особенно перевозка малогабаритных и ценных грузов, осуществляется путем авиaperевозок.

Турция поддерживает блокаду Армении, фактически выступая в карабахском конфликте на стороне Азербайджана, хотя Европейский Союз и США постоянно оказывают на нее давление с требованием прекратить блокаду. В свою очередь, Азербайджан оказывает серьезное давление на турецкое руководство с целью недопущения открытия армяно-турецкой границы.

Согласно нему, лишь 10% азербайджанских беженцев и ВПЛ выражают готовность вернуться в места своего прежнего проживания, если будет такая возможность, в основном лица старшего возраста. Подавляющее большинство молодежи, а также те, кто живут в Баку (это примерно 30% от общего числа), высказывают достаточно негативное отношение к возвращению в регионы Карабаха. См. подробнее: *90% азербайджанских вынужденных переселенцев не хотят возвращаться в места прежнего проживания*, www.panorama.am, 22.09.2010.

Армения пытается преодолеть коммуникационную блокаду. В 2007 г. был открыт газопровод Иран-Армения, ведутся переговоры о строительстве железной дороги и нефтепровода из Ирана в Армению. Планируется также реконструкция и открытие автомобильного транспортного коридора Север-Юг, который соединит черноморские порты Грузии через территорию Армении с Ираном. Тем не менее, сохраняющаяся блокада существенно затрудняет региональную интеграцию и экономическое сотрудничество.

Международные энергетические проекты в регионе также страдают от продолжающегося конфликта. В свое время по требованию Азербайджана нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум были построены в обход Армении, через территорию Грузии. Это значительно удлинит маршрут прокладки трубопроводов и повысило стоимость их строительства. Трубопроводы проходят в непосредственной близости от территории Южной Осетии, что рискованно ввиду напряженной ситуации в этом регионе. Кроме того, само по себе наличие неурегулированного конфликта создает опасность для функционирования столь глобальных энергетических проектов на Южном Кавказе, т.к. очевидно, что в случае «разморозки» конфликта именно объекты нефтегазовой и коммуникационной инфраструктуры станут первыми целями ракетно-артиллерийских ударов.

Вместе с тем, Азербайджан отказывается осуществлять какие либо двусторонние или региональные экономические проекты с Арменией, за исключением нескольких экологических программ регионального уровня. Баку опасается, что экономическое сотрудничество может улучшить положение армянских сторон, и может быть расценено как показатель готовности азербайджанской стороны примириться со сложившейся ситуацией.

2.4.4. Уровень жизни населения

По данным Всемирного банка, в 2001 г. уровень жизни в Армении и Азербайджане являлся низким: в Армении 50,9% населения жило ниже уровня бедности, в Азербайджане – 49,6%.⁶² По данным за 2009 г., приведенным на сайте ЦРУ, в Азербайджане ниже уровня бедности жило 11% населения, в Армении – 26,5%. С 1993 г. Армения является получателем помощи по линии ВПП; в 2008 г. около 110 тыс. жителей Армении получили от ВПП продовольственную помощь на сумму около 13,2 млн. долларов.⁶³ Азербайджан также являлся получателем помощи по линии ВПП в течение 12 лет, но в связи с улучшением экономического положения в Азербайджане она была свернута в 2008 г.⁶⁴

Ситуацию в экономической, политической и социальной жизни обеих стран отражает негативное сальдо миграции. Трудовая миграция из Азербайджана составляет около 2-2,5 млн. человек, в основном в Россию и Турцию (некоторые источники приводят цифру до 3 млн. мигрантов). В свою очередь, Армению с 1990-х гг. покинуло от 800 тыс. до 1 млн. человек.⁶⁵

Результаты военной фазы конфликта могут трактоваться как победа «слабой стороны» – НКР – в борьбе против

Азербайджана. Однако эта победа стала преградой для полноценного социально-экономического и политического развития Армении и НКР. Впрочем, блокада Армении дорого обходится и Азербайджану, повышая себестоимость коммуникационных и энергетических проектов. Что же до инициированной Азербайджаном гонки вооружений, то она заставляет обе страны, в ущерб социальным нуждам, тратить огромные средства на закупку вооружения и военной техники и содержание многочисленной армии. При этом она обходится Азербайджану много дороже, чем Армении, поскольку, готовя реванш, Азербайджан должен закупать в большом количестве дорогостоящее наступательное вооружение и авиацию. В отличие от Азербайджана, армянские стороны закупают преимущественно оборонительное вооружение, которое стоит дешевле наступательного. Таким образом, гонка вооружений в конфликте также асимметрична⁶⁶.

Тратя большие средства на закупки ВВТ, Азербайджан ограничивает собственные возможности решения насущных социально-экономических проблем, реформирования экономической системы и демократизации, плавно смещаясь в сторону наследственной монархии с усиливающими

⁶² The World Bank. Countries: Armenia. <http://data.worldbank.org/country/armenia>; The World Bank. Countries: Azerbaijan. <http://data.worldbank.org/country/azerbaijan>.

⁶³ World Food Programme. Countries: Armenia. <http://www.wfp.org/countries/armenia>.

⁶⁴ World Food Programme. Countries: Azerbaijan. <http://www.wfp.org/countries/azerbaijan>.

⁶⁵ Савоскул С.С. *Русские нового зарубежья: выбор судьбы*, М.: «Наука», 2001, с.317. См. также: *Миграции на Кавказе: Материалы конференции*. Ер.: КИСМИ, 2003; *Кавказ – Россия: Миграция легальная и нелегальная*. Ер.: КИСМИ, 2004.

⁶⁶ В военно-стратегическом анализе принято использовать термин «асимметричный» для характеристики выбора средств противодействия противнику (исходя из наиболее эффективных и наименее затратных опций). В данном случае, мы используем термин «асимметричный» для характеристики системы военно-технических мер, направленных на поддержание военного баланса одной из сторон путем закупок «оружия противодействия». Например, в ответ на закупки Азербайджаном боевых самолетов, ударных вертолетов или бронетехники армянская сторона приобретает системы ПВО и противотанковое вооружение. Военно-политическим измерением асимметричной гонки вооружений является способность одной из сторон поддерживать и компенсировать военный баланс за счет льготных поставок вооружения страной-союзником или сотрудничества в рамках военно-политического блока. Участие Армении в ОДКБ и армяно-российского двустороннее военно-техническое сотрудничество и взаимные гарантии безопасности являются такими компенсирующими мерами.

классическими признаками «нефтяного проклятия». В результате, как отмечается в докладе Международной кризисной группы, «Азербайджан может упустить историческую возможность использовать свои энергетические ресурсы для построения более надежной государственной системы и процветающего государства»⁶⁷.

Таким образом, продолжающийся оставаться неурегулированным карабахский конфликт негативно сказывается на социально-экономической ситуации в регионе, сохраняя неудовлетворительный уровень жизни населения конфликтующих сторон.

2.5. Интересы и позиции сторон

Карабахский конфликт – это пример конфликта с нулевой суммой, где победа одной стороны однозначно воспринимается как поражение другой. Центральной проблемой является вопрос о принадлежности самого Карабаха, и интересы сторон являются взаимоисключающими. Стороны демонстрируют непримиримые позиции: ни Армения, ни НКР, ни Азербайджан не готовы к реальному компромиссу. При этом для двух международно-признанных участников конфликта – Армении и Азербайджана – противостояние является важнейшим вопросом, который определяет содержание и ориентиры во внешней политике и динамику внутренних общественно-политических процессов. Для Нагорного Карабаха конфликт с Азербайджаном рассматривается как вопрос физического существования, а урегулирование конфликта является проблемой номер один для карабахской элиты и общественности. Как отмечает Айванн Ар-

⁶⁷ *Azerbaijan: Vulnerable Stability*, International Crisis Group Europe Report, No207, September 3, 2010, p.i.

регин-Тафт, «силовая асимметрия объясняет асимметрию интересов»⁶⁸.

Азербайджан настаивает на полном восстановлении своей территориальной целостности в рамках последнего международно-признанного разграничения до обретения страной независимости в 1991 г. Это границы Азербайджанской Советской Социалистической Республики в составе СССР, которые включали и нынешнюю территорию НКР. При таком подходе Баку рассматривает Армению как страну-агрессора, оккупирующую территории Азербайджана, а власти НКР азербайджанская сторона не признает вообще, несмотря на подписание с их участием трехсторонних документов о прекращении огня в 1994 г. Другой вариант позиции Азербайджана – это признание НКР стороной во внутривосточном конфликте, которая квалифицируется как сепаратистское движение, бросающее вызов принципу территориальной целостности государства. Подход Азербайджана к урегулированию включает: 1) осуждение Армении как «агрессора», 2) освобождение «оккупированных территорий» в качестве условия начала переговоров по урегулированию, и 3) урегулирование в режиме налаживания отношений между государством и этническим меньшинством. При таком подходе, для НКР предлагаются различные формы автономии как механизм обеспечения прав армянского населения, концепция «двухобшинности» и т.п.⁶⁹

Позиция Нагорного Карабаха основана на идее законности его борьбы за независимость по аналогии с другими случаями из мировой практики, такими как Косово, Север-

⁶⁸ Arreguin-Toft, Ivan. "How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict", *International Security*, Vol.26, No1 (Summer 2001), p.95.

⁶⁹ Цуциев А.А. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004)*, с.91.

ный Кипр, Эритрея и т.д. При этом в Карабахе настаивают на том, что к карабахскому конфликту не должен применяться принцип нерушимости границ, так как речь идет об административных границах, установленных по произволу Сталина и являющихся пережитком советского режима. Решающими, по мнению карабахцев, являются два других принципа международного права: права наций на самоопределение и неприменение силы при решении международных споров и конфликтов. Ключевым вопросом для Карабаха на переговорах является физическая безопасность его населения. Учитывая силовые попытки Азербайджана решить карабахский вопрос в первой половине 1990-х гг., а также постоянно звучащие из Баку призывы к реваншу, Карабах хочет получить гарантии безопасности, как минимум равнозначные имеющимся, прежде чем пойти на компромисс с Азербайджаном.

Нынешние гарантии безопасности Карабаха – это укрепленные и удобные для обороны границы, наличие транспортно-коридора, связывающего НКР с Арменией, а также «буферная зона» вокруг административных границ бывшей НКАО. Жесткая позиция Карабаха в конфликте строится на том, что вывод карабахских подразделений хотя бы из одного района по периметру границ Нагорного Карабаха ослабит линию обороны и в отсутствие окончательного мирного соглашения повысит реальность возобновления боевых действий, усилив искушение военного реванша со стороны Азербайджана в более выгодных для него условиях.

Армения заявляет, что приемлемым вариантом урегулирования карабахского конфликта является любое решение, которое удовлетворит НКР и обеспечит безопасность и развитие народа Нагорного Карабаха. Армения выдвигает три условия: 1) отсутствие вертикального подчинения Нагорного Карабаха Азербайджану, 2) наличие сухопутной границы

между Арменией и Нагорным Карабахом и 3) международные гарантии безопасности НКР. Армения оспаривает законность решения Кавбюро ВКП(б) от 5 июля 1921 г. о включении Нагорного Карабаха в состав Советского Азербайджана, равно как и факт пребывания Нагорного Карабаха в составе независимого Азербайджана, исходя из того, что границы Азербайджанской ССР были упразднены Актом о восстановлении независимости Азербайджанской Республики от 18 октября 1991 г. Этот документ, по мнению руководства Армении, ликвидировал советское конституционно-правовое основание включения Нагорного Карабаха в состав АзССР. При таком подходе, сторонами конфликта становятся два государства – Азербайджан и НКР, а урегулирование подразумевает равноправное участие в решении существующих территориальных споров. Армения стремится выступать в этом споре в качестве посредника и гаранта безопасности.

Взаимоисключающий характер позиций сторон делает ситуацию малоприспособленной для компромиссного урегулирования. Международное сообщество не склонно поощрять сепаратизм, но, в то же самое время крайне негативно относится к возможности силового решения проблемы, особенно в свете «Пятидневной войны» между Россией и Грузией в августе 2008 г.

2.6. Формы конфликтного взаимодействия/стратегии борьбы

Статусы сторон и их позиции в конфликте определяют правовые рамки ситуации и границы допустимых способов достижения целей противниками. Стоит подчеркнуть, что мировые державы и влиятельные международные организации рассматривают Армению и Азербайджан как важных партнеров на Южном Кавказе. Международное сообщество не

поддержит никакой вариант силового решения проблемы — ни односторонний, по инициативе какого-либо из участников конфликта, ни с участием региональных или международных акторов. Сложные взаимоотношения с Ираном и территориальные проблемы в Турции и Грузии заставляют западные страны быть предельно осторожными в отношении данного конфликта. Россия также не заинтересована в изменении существующего *status quo* в зоне конфликта и поэтому по возможности пытается сохранить военный баланс и не допустить возобновления боевых действий. На фоне сохраняющегося военного баланса и негативного отношения мирового сообщества к возобновлению боевых действий, противостояние конфликтующих сторон проявляется в виде политического и экономического давления и информационно-пропагандистской деятельности.

В таких условиях Армения и Азербайджан, по крайней мере, на официальном уровне, ведут себя в подчеркнутом соответствии с международными нормами и чаще всего прибегают к различным видам косвенного воздействия. При этом каждая из стран использует любые возможности доказать исключительную правоту своей позиции на самом высоком международном уровне и использовать это как ресурс в политико-пропагандистской борьбе. Вопрос Нагорного Карабаха не обсуждался специально на заседаниях Совета Безопасности ООН со времени принятия четырех резолюций по этому поводу еще в 1993 г. Однако высокопоставленные лица из Армении и Азербайджана обращаются к этой проблеме на заседаниях Генеральной Ассамблеи. Азербайджан постоянно требует «прекратить режим оккупации части Азербайджана» вооруженными силами Армении. Армения, со своей стороны, подчеркивает право наций на самоопределение и доказывает, что Азербайджан

проводил «этнические чистки» и использовал насилие против жителей Нагорного Карабаха, а сама НКР является дееспособным государственным образованием⁷⁰.

Фактически, симметрия форм взаимодействия и стратегий борьбы проявляется лишь в действиях двух равноставных акторов (Армении и Азербайджана) на международной информационно-пропагандистской площадке. В остальных сферах все три конфликтующие стороны, как две признанные, так и непризнанный Нагорный Карабах, используют разнообразные асимметричные стратегии противостояния.

2.6.1. Азербайджан: нефтяные ресурсы, коммуникационная блокада и политико-пропагандистское давление

Первоначально основной упор в карабахской стратегии Азербайджана в поствоенный период делался на коммуникационную блокаду Армении и Карабаха при поддержке Турции, и на дипломатические и пропагандистские усилия на международной арене. В последние годы на передний план вышло давление на Карабах, Армению и мировое сообщество путем военного шантажа и развязывания гонки вооружений. Повышая ставки в региональной политике, Азербайджан рассчитывает, что угроза возобновления боевых действий заставит Ереван и Степанакерт пойти на односторонние уступки, причем международное сообщество, опасаясь новой войны и дестабилизации региона, будет оказывать на армянские стороны дополнительное давление.

⁷⁰ “Dialogue Vital to Resolving Nagorno-Karabakh Dispute, Armenia Tells UN”, *UN News Center*, 28.09.2009; “Some Hope of End to Stalemate Over Nagorno-Karabakh, Azerbaijan Tells UN”, *UN News Center*, 26.09.2009.

Азербайджан использует свои нефтегазовые ресурсы, чтобы обеспечить интерес и поддержку внешних акторов в карабахском конфликте. При этом Баку не только учитывает заинтересованность европейских стран в альтернативном энергетическом коридоре в обход России, но и пытается заручиться поддержкой Москвы в вопросе Нагорного Карабаха в обмен на возможный отказ от участия Азербайджана в газопроводе «Набукко» и в других антироссийских энергетических проектах.

В рамках своей стратегии Азербайджан пытается провести через Генеральную Ассамблею ООН резолюцию о несоответствии положения на территориях вокруг Нагорного Карабаха нормам международного гуманитарного права. Главный аргумент заключается в том, что в отношении азербайджанского населения карабахскими армянами проводились «этнические чистки» и применялось насилие⁷¹. Аналогичные попытки Баку предпринимает и в ряде других международных и региональных организаций: Организация Исламской Конференции, ПАСЕ, Парламентская Ассамблея НАТО, ОЧЭС и т.д.

Вместе с тем, руководство Азербайджана постоянно выступает с угрозами возобновления боевых действий и поддерживает напряженность на линии соприкосновения сторон посредством действий разведывательно-диверсионных групп и снайперов. Тем самым Азербайджан показывает, что конфликт не является замороженным, что угроза возобновления войны является реальной, и что Баку не смирился со *status quo*. Для иллюстрации можно привести недавнюю реакцию властей Азербайджана на призыв Гене-

рального секретаря ООН Пан Ги Муна отвести снайперов с линии соприкосновения сторон. Начальник пресс-службы министерства обороны Азербайджана Эльдар Сабируглу, в частности, заявил: «Связывать укрепление режима прекращения огня с отводом снайперов нелогично»⁷².

В результате карабахский конфликт существует в виде конфликта низкой интенсивности⁷³, что проявляется в постоянных, хотя и незначительных по масштабу, военных столкновениях между сторонами вдоль линии фронта, приводящих к жертвам со всех сторон⁷⁴.

⁷² См. подробнее: *Министерство обороны Азербайджана прокомментировало предложение об отводе снайперов с линии соприкосновения огня*, www.news.day.az/politics/230614.html, 27.09.2010.

⁷³ Термин «конфликт низкой интенсивности» (Low Intensity Conflict – LIC) сегодня нередко используется как синоним асимметричных, партизанских, повстанческих или неконвенциональных войн и конфликтов. Традиционно, этот термин в военно-стратегическом анализе используют для определения вооруженного конфликта с низким уровнем взаимодействия сторон, малыми потерями и незначительным участием крупных боевых частей и подразделений. Примерами боевых действий в ходе конфликтов низкой интенсивности являются снайперские обстрелы, рейды разведывательно-диверсионных групп (РДГ) и небольших мобильных подразделений с использованием преимущественно легкого и стрелкового оружия без эскалации и активных операций крупных частей регулярных войск.

⁷⁴ Крупные столкновения на линии соприкосновения азербайджанских и карабахских сил с участием РДГ и отрядов спецназа только в текущем году произошли 18 июля 2010 г. (погибло пять карабахских и один азербайджанский военнослужащий), 30 августа 2010 г. (погибло до семи азербайджанских военнослужащих и два карабахских военнослужащих было ранено) и 4 сентября 2010 г. (погибло три азербайджанских военнослужащих). Ежегодно на линии соприкосновения в результате боевых столкновений, а также несчастных случаев и подрывов на минах стороны теряют не менее ста военнослужащих убитыми; бывают жертвы и среди мирного населения приграничных пунктов. По данным азербайджанских СМИ, за 1994–2006 гг., т.е. за 12 лет после заключения перемирия, погибли 2800 азербайджанских военнослужащих. Для сравнения, в годы карабахской войны, по данным азербайджанского военного эксперта Яшара Джафарли, азербайджанская армия потеряла около 24 тыс. военнослужащих убитыми и 4,5 тыс. – пленными и пропавшими без вести. См. подробнее: *В мирное время в азербайджанской армии погибли 2800 военнослужащих*, www.regnum.ru/news/778230.html, 06.02.2008.

⁷¹ “General Assembly Defers Consideration of Draft Resolution Concerning Observance of International Human Rights Law in ‘Occupied Territories of Azerbaijan’”, *Sixty-fourth General Assembly, 119th Meeting (PM)*, <http://www.un.org/News/Press/docs/2010/ga10979.doc.htm>.

2.6.2. *Армения: комплементаризм, диаспора и политика сдерживания*

Армения, в свою очередь, продвигает на международной арене право народа Нагорного Карабаха на самоопределение и построение собственной государственности. Наряду с этим, Армения пытается восстановить трехсторонний формат переговоров и дистанцироваться от двустороннего (Армения и Азербайджан), который безрезультатно существует уже почти два десятилетия. Вместе с тем, Армения заявляет, что является гарантом безопасности НКР и представляет ее интересы как в самом переговорном процессе, так и на международном уровне.

В своей внешней политике Армения придерживается т.н. принципа «комплементаризма», подразумевающего сохранение баланса между различными внешними силами, в том числе и антагонистическими друг другу. Благодаря комплементаризму, Армении удастся во многом заручиться поддержкой влиятельных международных акторов, вовлеченных в переговорный процесс вокруг Нагорного Карабаха. При этом важно и то, что во всех трех странах-сопредседателях Минской группы ОБСЕ, одновременно являющихся постоянными членами СБ ООН, проживают самые многочисленные армянские диаспоры в мире: по экспертным оценкам, в России около 1,5 млн. человек, во Франции — около 500 тыс. и в США — свыше 1 млн. человек⁷⁵. Влиятельные общины армянской диаспоры помогают Армении проводить свою политику в отношении как Азер-

байджана, так и Турции. В частности, они проводят в парламентах, правительствах и органах местного самоуправления своих стран кампании по принятию резолюций и иного рода документов о признании Геноцида армян в Османской Турции в 1915 г. Хотя эти действия направлены в первую очередь против Турции, отрицающей факт Геноцида, связь между признанием Геноцида и положением НКР прослеживается: позиция Армении состоит в том, чтобы не допустить повторения геноцида, но уже в отношении армянского населения Нагорного Карабаха. С другой стороны, Армения, при активной помощи США и ЕС и при содействии России, пытается нормализовать отношения с Турцией, чтобы открыть границы и вывести Армению из транспортно-коммуникационной блокады. Последний раунд переговоров между Ереваном и Анкарой в 2008-2010 гг., известный как «футбольная дипломатия», закончился безрезультатно, однако надежды на нормализацию отношений между Арменией и Турцией в обозримом будущем сохраняются.

Важное место в карабахской стратегии Армении играет политика сдерживания. Под «сдерживанием»⁷⁶ понимают

⁷⁵ Кроме того, порядка 250-300 тыс. армян живут в Грузии, около 130 тыс. — в Украине, крупные армянские общины есть в Иране, Сирии, Ливане, Польше и Турции. См. подробнее: Виктор Дятлов, Эдуард Мелконян, *Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии*. Ереван: Институт Кавказа, 2009.

⁷⁶ В англоязычной политологической литературе для обозначения «сдерживания» используются два разных термина — *containment* и *deterrence*, которые различаются по смыслу. Термин *containment*, авторство которого приписывается классику американской политической науки и дипломатии периода холодной войны Дж.Кеннану, использовался для характеристики политических и экономических мер противодействию противнику в реализации его внешней политики. Примером *containment* является американская политика сдерживания Советского Союза и противодействия распространению коммунистической идеологии. Термин *deterrence* вошел в обиход в США в начале 1960-х гг. и стал использоваться в стратегическом планировании при министре обороны Роберте Макнамаре. *Deterrence* подразумевает сдерживание противника путем устрашения неотвратимостью возмездия и нанесения непоправимого ущерба. В дальнейшем термин *deterrence* применялся в основном в военно-стратегической сфере.

предотвращение нежелательных военно-политических действий одной стороны в отношении другой, обычно уступающей в силовом потенциале, посредством угрозы причинения непоправимого ущерба. В период Холодной войны речь шла о сдерживающем потенциале ядерного оружия, в данном же случае речь идет о сдерживании обычными вооружениями. Сегодня в военно-теоретических трудах такой вид сдерживания принято называть «неядерным» или «конвенциональным» сдерживанием⁷⁷.

При анализе военно-технического потенциала сторон и военно-политического взаимодействия выявляется асимметрия политики сдерживания. Несмотря на имеющийся у него более широкий арсенал дальнобойных ракет, Азербайджан уязвим с военно-технической точки зрения ввиду возможности ответного удара по ключевым энергетическим и промышленным объектам, а с политической — в силу ограничений для ответного удара, учитывая вовлеченность России и ОДКБ в обеспечение безопасности Армении. Армянские силы могут нанести существенный урон промышленным, инфраструктурным и коммуникационным объектам в глубине территории Азербайджана, что в долгосрочной перспективе негативно скажется на его экономическом и политическом развитии. На вооружении армянской армии находятся крупнокалиберные РСЗО WM-80⁷⁸, а также оперативно-тактические ракетные ком-

⁷⁷ См. подробнее: Минасян Сергей. *Механизм поддержания мира в карабахском конфликте: теория сдерживания в условиях асимметричной гонки вооружений*, http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=5105, 04.11.2010.

⁷⁸ 4 - 8 ПУ 273-мм РСЗО WM-80 китайского производства (с максимальной дальностью стрельбы, в зависимости от типа ракеты, от 80 до 120 км) были закуплены Арменией в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. Впоследствии в СМИ появлялась информация о закупках Арменией модернизированных ракет с увеличенной дальностью стрельбы.

плексы 9K72 «Эльбрус» (или «Scud-B» по натовской классификации)⁷⁹.

2.6.3. Нагорный Карабах: в поисках признания и обеспечения безопасности

Деятельность властей Нагорно-Карабахской Республики направлена на обеспечение, во-первых, ее легального статуса как самостоятельного образования в соответствии с нормами, принятыми в международном праве, а во-вторых, ее легитимности, как внутренней, в виде поддержки со стороны населения, так и внешней, в виде признания международным сообществом. В противовес позиции Азербайджана, лидеры НКР настаивают на признании за Нагорным Карабахом права принимать участие в процессе урегулирования. Актуализация проблемы непризнанных или *de facto* государств в мировой политике последних десятилетий вызвала кризис системы международного права и дала непризнанным государствам возможность аргументировать свою позицию в правовом поле⁸⁰.

С точки зрения традиционного международного права, у проблемы непризнанных государств есть существенные аспекты, неотделимые от исторического контекста. Субъектами международного права являются в первую оче-

⁷⁹ В том числе 8 пусковых установок 9П117М и как минимум 32 ракет Р-17, переданных Армении из состава 176-й ракетной бригады 7-й гвардейской армии в рамках раздела советского военного имущества в середине 1990-х гг. Ракеты Р-17 имеют дальность стрельбы до 300 км при круговом вероятном отклонении при стрельбе на большую дальность до 0,6 км. По данным на декабрь 2010 г. у азербайджанской армии не имелось средств ПВО (и тем более - тактической ПРО), способных осуществить эффективный перехват таких ракет в случае нанесения ударов по целям в глубине территории Азербайджана.

⁸⁰ Дополнительную поддержку позиция Карабаха получила после решения Международного суда ООН, вынесенного 22 июля 2010 г., о соответствии международному праву одностороннего провозглашения Косово своей независимости.

редь государства, однако крупные исторические события, приводящие к возникновению «новых» или гибели «старых» государств, происходят вне правового поля и являются внешними по отношению к нему. Поэтому многие специалисты в области международных отношений полагают, что исторические события порождают новый правовой порядок. Классик мировой политической науки Раймон Арон полагал, что поскольку появление и исчезновение государств не представляет собой события метаправового (переходно-правового) характера, а признание того или иного государства со стороны других есть акт скорее политической, нежели юридической, или, во всяком случае, образующий элемент права, то «юридическое существование нового государства зависит не от признания его другими государствами, а от объективного выполнения некоторых условий, предписываемых международным правом государству, могущему быть признанным»⁸¹.

Стремясь убедить международное сообщество в том, что НКР имеет все основные атрибуты государства, власти Нагорного Карабаха обращают внимание, в частности, на практику формирования институтов власти в НКР на основе свободных демократических выборов. В 2007 г. президент НКР Аркадий Гукасян покинул свой пост после двух сроков президентства, а мэром Степанакерта в 2004 г. стал представитель оппозиции. Лидеры НКР постоянно указывают и на то, что уровень демократии в НКР намного выше, чем в Азербайджане.

Информационно-политическое противостояние НКР и Азербайджана на международной арене основано на асимметричной стратегии. Ресурсы Азербайджана в этой

сфере – поддержка ряда мусульманских стран, исламская солидарность, а также инертность международного права. Ресурсы НКР – поддержка Армении и армянской диаспоры; дополнительным пропагандистским инструментом становятся посещения Нагорного Карабаха любыми представителями власти зарубежных стран, а также международные визиты представителей НКР и их встречи с официальными лицами за рубежом. Это вызывает резкую реакцию властей Азербайджана, включая ноты протеста, объявление посевших НКР *persona non grata* и т.д. В результате НКР демонстрирует свою международную субъектность, а между Азербайджаном и государствами (зачастую весьма influentialными), представители которых посещают НКР, возникает напряженность⁸².

2.7. Взаимное восприятие и дискурс конфликта

Урегулирование конфликта возможно, лишь если стороны смогут договориться об условиях его решения с учетом взаимных интересов. При этом готовность сторон к неизбежным компромиссам зависит от имеющегося у элит и масс восприятия конфликта и допустимых вариантов его решения. В случае карабахского конфликта большое значение имеет восприятие результатов его военной фазы в первой

⁸¹ Арон Р. *Мир и война между народами*, с.161-162.

⁸² Одним из последних такого рода действий явилась адресованная США нота протеста азербайджанского МИДа в связи со встречей спикера карабахского парламента Ашота Гуляна с председателем комиссии по внешним сношениям Палаты представителей Конгресса США Говардом Бергманом. Азербайджан также объявил *persona non grata* пять депутатов российской Государственной Думы за участие в выборах парламента в Нагорном Карабахе 23 мая 2010 г. См. подробнее: *МИД Азербайджана вручил ноту протеста временному поверенному в делах США в стране*, <http://news.day.az/politics/231402.html>, 01.10.2010; *Азербайджан объявил российских депутатов персонами нон-грата из-за участия в выборах в Нагорном Карабахе*, www.newsru.com/world/26may2010/karabakh.html, 26.05.2010.

половине 1990-е гг. Одним из таких результатов явилось повышение этнической гомогенности за счет вытеснения представителей этнических меньшинств, в первую очередь представителей противоборствующей стороны. По мнению А.А.Цуциева, «депортация и война 1990-1994 гг. привели к “окончательному” территориальному размежеванию армянского и азербайджанского населения в субрегионе по этническим зонам контроля, завершая, таким образом, становление национальных государств и соответственно двух политических/гражданских наций по жесткому этническому, точнее “взаимоисключающему”, основанию»⁸³. Можно сказать, что по результатам военной фазы карабахского конфликта в соответствии с классической теорией Эрнеста Геллнера⁸⁴ произошла этническая гомогенизация границ между Азербайджаном, НКР и Арменией со взаимным обменом населением соответствующих этнических групп. На Южном Кавказе армяне и азербайджанцы (как до этого в начале 1990-х гг. абхазы и грузины, а в 2008 г. — осетины и грузины) прошли путь этнической гомогенизации параллельно строительству своих национальных государств⁸⁵. Повышение этнической однородности привело к поляризации общественных настроений и усилило конфликтный дис-

⁸³ Цуциев А.А. *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004)*, с.90.

⁸⁴ О подходах Э.Геллнера к проблемам национализма и строительства национальных государств см. подробнее: Gellner, Ernest. *Nationalism*. London: Phoenix, 1997.

⁸⁵ В Западной Европе процессы национального строительства, нередко сопровождавшиеся этнической гомогенизацией, приводили к многочисленными войнам в XIX — начале XX вв. В период двух мировых войн XX в. борьба за этническую гомогенизацию национального пространства продолжалась, однако была осуждена международным сообществом по окончании войн. Заключительным аккордом этнического размежевания в Европе стал распад бывшей Югославии в 1990-е гг., сопровождавшийся самым кровопролитным этническим конфликтом в Европе за всю послевоенную историю.

курс во внутренней жизни вовлеченных сторон, делая их позиции еще более бескомпромиссными.

Азербайджан поддерживает в своем обществе ощущение поражения в войне, обеспечивая тем самым и мобилизацию вокруг карабахской проблемы, и легитимацию затрат и действий, направленных на восстановление территориальной целостности. Президент Алиев и другие должностные лица периодически делают воинственные заявления; средства массовой информации, общественные организации, деятели эстрады и искусства Азербайджана также постоянно обращаются к проблеме «оккупации», создавая соответствующий информационный фон⁸⁶. Более централизованному, чем в Армении, медийному полю Азербайджана удастся эффективно концентрироваться на армяно-азербайджанском противостоянии и проблеме Карабаха. Еще один ресурс мобилизации общества вокруг этой темы — наличие многочисленных беженцев.

Для Армении карабахская проблема является важнейшей нациеобразующей идеей. Ход урегулирования конфликта, позиции внешних акторов и посредников, и главное — действия властей Армении являются важнейшей темой критики и общественных дискуссий. При этом в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры и динамики переговорного процесса оппозиция попеременно обвиняет власти то в излишней неуступчивости и стремлении к пролонгации переговорного процесса (как, например, с 2006 г.

⁸⁶ Например, в мае 2010 г. в Азербайджане состоялась премьера оперы «Интизар» («Ожидание»), в основе сюжета которой лежат эпизоды войны в Нагорном Карабахе, интерпретируемые как борьба добра со злом. Опера, поставленная с участием российских театральных деятелей, участвовала в международном музыкальном конкурсе им. М.Ростроповича в Москве. См. подробнее: «Добро обречено на победу», *Вечерний Баку*, №2, 2010, <http://www.vmdaily.ru/baku/articles/348/>.

по август 2008 г.), то в национальном предательстве и неспособности защитить интересы Армении в конфликте (осень 2008–2010 гг.). Факт победы в войне продолжает быть источником национальной гордости, однако наличествует и усталость общества от нерешенности проблемы, что проявляется в расхождениях мнений у представителей политической элиты по вопросам урегулирования. Так, первый президент Армении Левон Тер-Петросян в феврале 1998 г. был вынужден подать в отставку из-за того, что предложил пойти на компромисс в карабахском урегулировании.

В целом можно говорить о схожих процессах, происходящих на уровне элитных и массовых дискурсов как в Азербайджане, так и в Армении. Для обеих стран характерно использование элементов информационной и психологической войны, сугубо негативное изображение противника, а также наличие цензуры/самоцензуры в карабахском вопросе.

В области общественных дискурсов главное проявление асимметрии состоит в том, что и в Армении, и в Азербайджане карабахская проблема воспринимается обществом и элитами как вопрос скорее национального престижа и ресурсов, чем выживания нации, в то время как в общественном дискурсе в Нагорном Карабахе это проблема именно выживания нации как таковой. Ситуация затяжного неурегулированного конфликта радикализует дискурс, существующий в карабахском обществе. Все более заметен синдром «осажденной крепости»: централизация элит, снижение политического плюрализма, усиление общественной самоцензуры в оценках возможности мирного урегулирования и нахождения компромиссов с Азербайджаном.

Чрезвычайно важным элементом дискурса является восприятие времени. Поиск ответа на политический и вместе с тем почти экзистенциальный вопрос: «На кого в ка-

рабахском конфликте работает время?» или «К чему приведет пролонгация *status quo*?», являются важнейшим компонентом как элитных, так и публичных дискурсов. Внутри политических элит и обществ всех конфликтующих сторон существуют диаметрально противоположные мнения о выгоды или невыгоды урегулирования, что находит свое отражение и во внутривнутриполитической борьбе в Армении, Азербайджане и Нагорном Карабахе.

Ответ на вопрос о том, на кого работает время в карабахском конфликте, возможно, дает тот факт, что официальные лица Азербайджана стремятся ускорить карабахский процесс и — вполне обоснованно — обвиняют Армению в его торможении. У азербайджанского общества постепенно формируется «синдром песочных часов»: время идет, сменяются поколения, перспективы возвращения Карабаха в лоно Азербайджана становятся все более туманными, обещания властей не выполняются. На этом фоне воинственная риторика руководства лишь усугубляет ощущение безвозвратной потери. Как показывает история войн за национальное освобождение, асимметрия воли и целей конфликтующих сторон приводит к ситуации, когда, по выражению Дова Линча, «*de facto* государства играют в долгую игру, в которой не проиграть — означает выиграть»⁸⁷. Нагорный Карабах может и не выиграть очередную войну с Азербайджаном (будь то блицкриг или же окопные или дистанционные бои на истощение), но даже при неопределенном исходе он эту войну и не проиграет. А вот для Азербайджана любой исход боевых действий, кроме установления контроля над всей территорией Нагорного Карабаха, будет означать не

⁸⁷ Lynch, Dov. «Separatist States and Post-Soviet Conflicts». *International Affairs*. Vol.78, №4, 2002, p.848.

только политическое, но и военное поражение, с тяжелыми последствиями для правящей элиты страны, вот уже второе десятилетие призывающей народ к реваншу⁸⁸.

2.8. Асимметрия вовлечения внешних акторов

Участие внешних сил является одним из важнейших факторов динамики конфликта. Интерес сторонних сил к процессу и, главное, к результатам урегулирования конфликта определяется геополитическими (стратегическими) и экономическими интересами. Позиция вовлеченных стран формируется, исходя из комплекса взаимоотношений с участниками конфликта и между собой на региональном и международном уровне. Можно проследить изменения позиций вовлеченных стран, вызванные динамикой глобальных и региональных процессов.

Можно выделить три основных фактора, определяющих позиции третьих стран в конфликте:

- *исторический*, а, именно, характер взаимоотношений между странами региона, который сложился в ходе событий XIX и XX вв. Отношения между Турцией, Арменией, Азербайджаном, Ираном, Россией и Грузией неразрывно связаны с историей становления их современной государственности.

⁸⁸ Аналогично Г.Киссинджер описывает ситуацию асимметричного конфликта США со Вьетнамом, где «слабому» во вьетнамской войне было достаточно не проиграть, чтобы выиграть. Малые страны или народы, ведущие войну во имя значимой всеобщей идеи и при наличии определенных политических или моральных факторов (например, Финляндия в ходе «Зимней войны» 1939-1940 гг., Алжир в 1950-1960-х гг., Вьетнам в войнах против Франции и США в период с конца 1940-х до середины 1970-х гг., Израиль в арабо-израильских войнах 1948-1982 гг., непризнанные государства постсоветского пространства в первой половине 1990-х гг., и др.), способны в течение долгого времени обеспечивать мобилизацию материальных и людских ресурсов для достижения победы над превосходящим по силе противником. См. подробнее: Дериглазова Л.В. «Парадокс асимметрии в международном конфликте», с.87-88.

- *геополитический*, который определяется текущим контекстом региональной безопасности. США, начав войну против террора в конце 2001 г., инициировали военные действия НАТО в Афганистане и коалиции государств в Ираке. Отношения между Ираном и США – другой вектор напряжения. Южный Кавказ является зоной повышенного внимания со стороны Европейского Союза, уже граничащего с регионом через Черное море, и вовлечен в программы сотрудничества ЕС, реализуемые на постсоветском пространстве и по периметру его границ.
- *экономический и коммуникационный*, определяемый заинтересованностью региональных и глобальных акторов в доступе к запасам каспийских углеводородов, транзитным путям и коммуникациям, проходящим через регион Южного Кавказа и соединяющим постсоветское пространство с Ближним Востоком и Передней Азией.

Основным форматом вовлечения внешних сил в карабахский конфликт является переговорный процесс при посредничестве влиятельных региональных и международных акторов. В настоящее время переговорный процесс осуществляется исключительно в формате Минской группы ОБСЕ⁸⁹, хотя за последние два десятилетия неод-

⁸⁹ Участие международных посредников в урегулировании конфликта с весны 1992 г. происходит в рамках Минской группы ОБСЕ/ОБСЕ. Институт сопредседателей Минской группы ОБСЕ был учрежден по решению Будапештского саммита ОБСЕ (6 декабря 1994 г.); ими стали Россия, США и Франция. Мандат сопредседателей был принят 23 марта 1995 г. Постоянным представителем ОБСЕ в зоне конфликта является Личный представитель Действующего председателя ОБСЕ; одной из его основных функций является наблюдение за поддержанием режима прекращения огня.

нократно предпринимались попытки одной из сторон конфликта вывести переговорный формат за рамки ОБСЕ или перенести его в другие международные структуры. Некоторые страны выступали со своими мирными инициативами или стремились стать посредниками, зачастую вопреки желанию конфликтующих сторон. Однако все эти попытки оказались еще более безрезультатными, чем деятельность самой Минской группы, которая хотя бы обеспечивает заморозку конфликта и не допускает его сползания к возобновлению боевых действий.

Особенность деятельности МГ ОБСЕ заключается в том, что входящие в ее состав страны-сопредседатели, имея зачастую диаметрально противоположные позиции по многим вопросам мировой и региональной политики, имеют схожие подходы к процессу мирного урегулирования карабахского конфликта. Более того, у сопредседателей существует консенсус в вопросе недопущения боевых действий в Карабахе. Такая политика позволяет сохранить и продолжать чрезвычайно трудный процесс переговоров в условиях неготовности обществ и элит конфликтующих сторон к каким-либо реальным компромиссам.

Вполне естественно, что подходы основных внешних акторов к карабахскому конфликту определяются, в том числе, их собственными интересами на Южном Кавказе и в прилегающих регионах. Это могут быть интересы в сфере как энергетики и коммуникаций (что особенно актуально для США и Франции/ЕС), так и безопасности и геополитического доминирования (для России и США, а также региональных держав – Ирана и Турции). Подходы внешних акторов в карабахском конфликте могут определять и соображения иного порядка: идеалы и принципы демократии и интеграции (отраженные в позиции евро-

пейских стран); историческая и культурная близость к региону (что особенно актуально в случае с Россией и Турцией). Консенсус о мирном способе урегулирования конфликта не отменяет различий в подходах, позициях и причинах активного вовлечения данных держав в переговорный процесс.

Карабахский конфликт не находится в центре внимания мирового сообщества. Контроль над процессом урегулирования осуществляется через малобюджетное и немногочисленное вовлечение международных структур в переговорный процесс под эгидой МГ ОБСЕ и нескольких военных наблюдателей вместе с Личным Представителем действующего председателя ОБСЕ, посла Анджея Каспршика⁹⁰. Этот факт отражает не столько отсутствие заинтересованности в решении проблемы, сколько то, что конфликт не считается настолько острым и опасным (по сравнению с другими конфликтами и проблемами), чтобы уделять ему повышенное внимание.

2.8.1. Россия в карабахском конфликте

Позиция России по карабахскому конфликту является двойственной. С одной стороны, экономическая и военная помощь Армении со стороны России явилась причиной охлаждения отношений между Россией и Азербайджаном в первой половине 1990-х гг. Азербайджан не согласился на сохранение российских военных баз на своей территории⁹¹, хотя в 1994 г. Гейдар Алиев в целях внутривосточной стабильности и в надежде на изменение российской позиции в карабахском

⁹⁰ См. подробнее: De Waal, Tom. "Remaking the Nagorno-Karabakh Peace Process". *Survival*, vol.52, M.4, August-September 2010.

⁹¹ За исключением аренды Габалинской РЛС, деятельность которой обеспечивают около 1,4 тыс. российских военнослужащих.

конфликте присоединился к Договору о коллективной безопасности. Не дождавшись от Москвы поддержки в карабахском вопросе, в 1999 г. Азербайджан вышел из ДКБ и присоединился к ГУУАМ. В то же самое время, существуют условия, которые заставляют Азербайджан и Россию придерживаться добрососедских отношений. В Азербайджане проживает порядка 140 тыс. русских, а в России, согласно официальной переписи 2002 г., – 621 тыс. азербайджанцев и 1130 тыс. армян⁹². Между странами действует безвизовый режим, что облегчает трудовую миграцию в Россию. По официальной статистике, трудовая миграция в Россию в 2008 г. составила 23,3 тыс. человек из Азербайджана и 35,2 тыс. из Армении⁹³.

Для России Азербайджан важен и как региональный участник рынка энергоресурсов. В настоящее время на смену соперничеству 1990-х гг. в отношениях между Россией и Азербайджаном настал этап более близкого сотрудничества. 3 сентября 2010 г. во время официального визита президента Медведева в Азербайджан был подписан контракт между Государственной нефтяной компанией Азербайджана и «Газпром» об увеличении поставок в Россию каспийского газа, что укладывается в логику стратегии Москвы по противодействию попыткам европейских стран обеспечить альтернативный России маршрут поставок энергоресурсов в Европу⁹⁴.

Российско-армянские отношения в военной сфере являются основой политики безопасности Москвы в регионе и

⁹² «Всероссийская перепись населения 2002 г.» *Национальный состав и владение языками, гражданство*, Т.4, <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>. Реальная цифра мигрантов из Азербайджана, как и из других постсоветских стран, значительно выше этих данных.

⁹³ *Международная миграция*. РФ. Федеральная служба государственной статистики, 2008. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo42.htm.

⁹⁴ «Медведев и Алиев подписали договор о государственной границе». *Новая газета*, 03.09.2010.

единственным элементом, обеспечивающим деятельность на Южном Кавказе ОДКБ как военно-политического блока под эгидой России. Россия является главным инвестором в Армении, тесно сотрудничает в энергетической и коммуникационной сферах, несмотря на отсутствие прямой географической связи. Россия стремится проявлять беспристрастность в переговорном процессе вокруг Нагорного Карабаха и сохраняет видимый баланс в своих отношениях с Арменией и Азербайджаном. Предоставляя Армении гарантии безопасности в региональном формате и содействуя оснащению армянской армии современным вооружением и военной техникой, Москва одновременно расширяет военно-техническое сотрудничество с Азербайджаном⁹⁵. В августе 2010 г. в ходе государственного визита президента Д.Медведева в Армению, наряду с другими документами, был подписан дополнительный Протокол №5 к Договору 1995 г. о порядке функционирования российской военной базы на территории Армении. Согласно этому документу расширилась географическая сфера ответственности 102-й РВБ, включающая уже всю территорию Армении (а не только вдоль периметра бывших границ СССР с Турцией и Ираном, как в прежней редакции Договора), а также продлевалась длительность ее нахождения (вместо прежних 25 лет – на 49 лет)⁹⁶. Кроме того, в соответствии с Протоколом, Россия взяла на себя обяза-

⁹⁵ Только в период 2006-2010 гг. Россия официально поставила Азербайджану 62 танка Т-72, 70 БТР-80А, большое количество стрелкового вооружения и боеприпасов. Летом 2010 г. появилась также информация о том, что Москва и Баку ведут переговоры о продаже Азербайджану двух дивизионов ЗРК С-300ПМУ-2.

⁹⁶ Отчет ведется с 1997 г., т.е. после ратификации и вступления в силу Договора 1995 г. Тем самым, срок нахождения российских войск на территории Армении продлевается до 2046 г. См.: *Полный текст проекта Протокола о российской военной базе в Армении*. <http://news.am/rus/news/28027.html>, 17.08.2010.

тельство обеспечивать вооруженные силы Армении современным и совместимым ВВТ.

В Армении склонны интерпретировать подписание этого документа как гарантии безопасности и военной помощи со стороны России в случае войны с Азербайджаном. Хотя формально двусторонние и многосторонние (в рамках ОДКБ) обязательства России в сфере безопасности и взаимной обороны распространяются только на международно признанные границы Республики Армения, но не на территорию Нагорного Карабаха. Вместе с тем, вполне вероятно, что в силу чрезвычайной милитаризации региона и радикальности позиций конфликтующих сторон боевые действия не ограничатся лишь территорией Нагорного Карабаха, и могут перекинуться по периметру протяженной границы между Арменией и Азербайджаном. Более того, даже просто наличие вдоль северо-восточных границ Армении и на армяно-нахичеванской границе частей российской армии позволит высвободить значительную часть армянских вооруженных сил и эффективнее использовать их в Нагорном Карабахе, что также будет иметь существенное значение для дальнейшего хода возможных боевых действий.

Вместе с тем очевидно, что Россия не хочет, чтобы ее вовлекли в боевые действия вокруг Нагорного Карабаха, и в случае военной «разморозки» конфликта Москва может оказаться в трудном положении. Прямая военная помощь Армении со стороны России немедленно приведет к разрыву отношений с Азербайджаном, в том числе и в энергетической сфере. С другой стороны, невыполнение двусторонних и многосторонних обязательств по оказанию военной помощи Армении может лишить Россию репутации надежного партнера, дискредитировать функционирование ОДКБ как военно-политической организации, привести к выводу россий-

ской военной базы с территории Армении и потере единственного военно-политического союзника Москвы на Южном Кавказе. Если Москва не окажет военного содействия Армении, это поставит под угрозу дальнейшее армяно-российское стратегическое сотрудничество и лишит Ереван каких-либо стимулов к сохранению российской военной базы на своей территории. Потеряв Армению, Москва может одновременно также потерять политическое влияние и рычаги воздействия на Азербайджан и на весь Южный Кавказ.

Поэтому Россия заинтересована в сохранении *status quo*, поддержании военного баланса и невозобновлении боевых действий. Россия сохраняет свое военно-политическое влияние в регионе, одновременно оказывая содействие Армении, замораживая карабахский конфликт и привязывая к себе Азербайджан. После «Пятидневной войны» августа 2008 г. внимание к региону со стороны США и европейских стран ослабло, и поэтому России легче контролировать ситуацию и осуществлять посредничество между Арменией и Азербайджаном.

2.8.2. Соединенные Штаты и карабахский конфликт

Позиция и отношение США к карабахскому конфликту за последние два десятилетия претерпели серьезную трансформацию. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. борьба карабахских армян за отделение от Советского Азербайджана получала поддержку и симпатии США, так как рассматривалась как часть борьбы народов СССР против коммунистического режима. Возможно, именно в силу этого США признали независимую Армению еще в декабре 1991 г., тогда как Азербайджан — лишь в феврале 1992 г. Конгресс США принял в октябре 1992 г. поправку к «Акту о поддержке свободы» №907, которая запретила военную и иную

помощь Азербайджану, пока последний «не предпримет шаги по снятию всех блокад и не прекратит любое наступательное использование силы против Армении и НК». Однако примерно во второй половине 1990-х гг. ситуация изменилась. После подписания ряда соглашений, предусматривающих участие западных нефтяных компаний в освоении энергетических ресурсов Каспия, и с началом работ по строительству трубопроводов, обеспечивающих поток нефти и газа на Запад, появилась заинтересованность в поддержании дружественных отношений с Азербайджаном. Соединенные Штаты стали активно поддерживать реализацию масштабных энергетических проектов в каспийском регионе в обход России, что привело к заметному сближению Баку и Вашингтона.

Сотрудничество США с Азербайджаном усилилось после событий 11 сентября 2001 г., когда в свете глобальной войны против международного терроризма было приостановлено действие 907-й поправки, что позволило США начать активное военное сотрудничество с Азербайджаном и с Арменией. Значимость региона резко возросла в силу географической близости к Афганистану и Центральной Азии, так как через военные аэродромы в Азербайджане, спешно отремонтированные и модернизированные за американский счет, стало осуществляться снабжение американских и натовских вооруженных сил, воюющих в Афганистане.

Соединенные Штаты, отдавая приоритет в военно-политической сфере на Южном Кавказе отношениям с Грузией, начали постепенно наращивать военное сотрудничество с Арменией и Азербайджаном. Оно осуществлялось как в двустороннем формате (программы помощи и совместного обучения), так и в многостороннем (наращивание миро-

творческого потенциала и участие военнослужащих из Армении и Азербайджана в операциях по поддержанию мира в Косово, Ираке и Афганистане). США стремятся по возможности сохранять баланс в объемах американской военной помощи Армении и Азербайджану. Военная помощь США сама по себе не должна рассматриваться как источник нестабильности в регионе. Напротив, задачей США является модернизация вооруженных сил Армении и Азербайджана для их активного вовлечения в военные миротворческие и контртеррористические операции с участием США и стран НАТО.

С другой стороны, несмотря на возросший интерес США к энергетическим ресурсам и географическому положению Азербайджана, можно отметить различия в американской политике в отношении Азербайджана и Армении. Армения в расчете на душу населения является крупнейшим после Израиля получателем прямой американской помощи, за последние 20 лет составившей примерно 2 млрд. долларов. Можно утверждать, что на публичном уровне США демонстрируют более пристрастное отношение к Армении, чем даже главный военно-политический союзник Еревана – Россия. В отличие от Москвы, Вашингтон выделяет Нагорному Карабаху ежегодную финансовую помощь, которая в 2011 финансовом году составит порядка 10 млн. долларов. Таким образом, США и Армения – единственные государства в мире, оказывающие прямую финансовую помощь Карабаху. США также являлись главным спонсором процесса армяно-турецкого примирения, который должен был нормализовать отношения между Ереваном и Анкарой и способствовать выводу Армении из коммуникационной блокады.

Считается, что выраженная проармянская позиция Вашингтона на Южном Кавказе во многом объясняется де-

тельностью влиятельного армянского лобби в США. Сила армянского лобби заключается не только в организованности и большом опыте работы на политическом поле США. Главный ресурс влияния заключается в опоре на многочисленную и хорошо организованную армянскую диаспору, которая через участие в выборах и общественно-политической деятельности воздействует на политику Вашингтона в регионе Южного Кавказа⁹⁷.

Вместе с тем, роль Армении в региональной политике США объясняется и тем, что армянский фактор является инструментом и ресурсом реализации американской прагматичной политики в отношении России, Ирана и Турции. Снижение интереса к Южному Кавказу со стороны демократической администрации Б.Обамы вновь скорректировало политику США в отношении сторон карабахского конфликта. В отличие от республиканцев, демократы менее склонны к проведению антироссийской политики в регионе, что снижает заинтересованность в альтернативных энергетических и коммуникационных проектах в обход России, в частности, через Азербайджан. Одновременно, «перезагрузка» в российско-американских отношениях в 2009-2010 гг. дает Армении возможность проводить сбалансированную комплементарную политику в отношении Москвы и Вашингтона, не вызывая «приступов ревности» у великих держав.

Несмотря на специфические особенности американской политики в регионе, США пытаются сохранять бес-

⁹⁷ Например, должность посла США в Азербайджане уже второй год остается вакантной из-за того, что на нее выдвинута кандидатура бывшего сопредседателя Минской группы ОБСЕ от США Мэттью Брайзы, а ряд сенаторов, близких к армянским организациям США, блокируют это назначение, обвиняя Брайзу в проазербайджанских симпатиях.

пристрастность в самом переговорном процессе и стремятся не допустить возобновления в Нагорном Карабахе боевых действий, которые могли бы угрожать реализации существующих масштабных региональных энергетических и коммуникационных проектов. В позиции Вашингтона энергетическая и коммуникационная значимость Азербайджана не перевешивает влияния армянского лобби и заинтересованности в использовании ресурса Армении в региональной политике, что делает США, возможно, наиболее последовательным и мотивированным посредником в формате Минской группы ОБСЕ.

2.8.3. Политика ЕС в регионе и карабахский конфликт

Франция является не только сопредседателем МГ ОБСЕ и страной, осуществляющей в регионе свои геополитические интересы и имеющей в нем традиционные исторические связи. Как активный и влиятельный член Европейского Союза, Франция выражает интересы и позицию ЕС в урегулировании карабахского конфликта. Вместе с тем, ЕС обладает в регионе меньшими силовыми и иными ресурсами, чем США и Россия, и не имеет политической решимости играть ведущую роль на постсоветском пространстве.

Европейский Союз реализует свою политику через включение региона в сферу своего экономического, культурного и политического влияния. Институционализация этого влияния происходит достаточно медленно, и проекты сотрудничества, реализуемые ЕС в рамках «Европейской политики соседства» и «Восточного партнерства», пока еще не удовлетворяют ожидания общественности стран региона и не обеспечивают эффективной реализации политических интересов Европейского Союза. Однако деятельность ЕС уже изменила региональный фон и рамки политической ре-

альности на Южном Кавказе. Медленное проникновение Европейского Союза на Южный Кавказ способно в перспективе серьезно повлиять на ситуацию вокруг региональных конфликтов за счет введения новых правил игры и новых рамок, которые «смягчают различия между странами региона и в будущем могут стать удобным механизмом решения общих проблем»⁹⁸.

В том, что касается карабахского конфликта, ЕС и общественность европейских стран имеют четкие ценностные приоритеты, особенно по формату урегулирования. Первый приоритет – недопущение военной эскалации. В условиях невозможности достижения в обозримом будущем компромиссного урегулирования ни в одном из этнополитических конфликтов на Южном Кавказе, такой подход способствует их консервации. Он отвечает интересам тех акторов региональной политики, которым выгодно сохранение создавшегося *status quo*, а именно, непризнанным государствам региона и поддерживающей Нагорный Карабах Армении. Другой приоритет ЕС на Южном Кавказе заключается в стимулировании региональной интеграции. Однако активизация регионального сотрудничества, открытие границ и налаживание коммуникаций также будут способствовать сохранению *status quo* в конфликтах. Наконец, ЕС также озабочен безопасностью региональных энергетических проектов, исходя из прагматических соображений и принципиального желания иметь альтернативные энергетические пути помимо России.

Можно назвать реальные результаты вовлечения ЕС в региональную безопасность и стабильность, которые на-

⁹⁸ Школьников Владимир, «2008-й год: необратимое вовлечение Европы в дела Кавказа?», *Кавказ - 2008. Ежегодник Института Кавказа*. Ереван: Институт Кавказа, 2010, с.200.

прямую влияют на ситуацию вокруг конфликтов. Например, гуманитарные и экономические проекты Евросоюза способствуют реабилитации беженцев, снижению уровня бедности и социальной напряженности, усилению гражданского контроля над вооруженными силами и силовыми структурами, строительству политических институтов и дальнейшей демократизации государств Южного Кавказа. Все это приводит к снижению напряженности в зонах конфликтов. Проекты ЕС, реализуемые на уровне институтов гражданского общества, создают некую новую европеизированную элиту в общественно-политических и медийных кругах Южного Кавказа. Находясь в финансовой и институциональной зависимости от европейских проектов, представители этих кругов хотя бы на пропагандистском уровне выражают более конструктивные и миролюбивые позиции по вопросам урегулирования этнополитических конфликтов. Это снижает воинственную риторику и повышает уровень толерантности, что создает почву к налаживанию контактов и поиску долговременных компромиссов между обществами конфликтующих сторон.

2.8.4. Региональное измерение карабахского конфликта

Региональный контекст оказывает разнонаправленное влияние на карабахский конфликт. Региональные акторы имеют собственные интересы и подходы, отчасти переплетающиеся или же, напротив, противоречащие логике переговорного процесса вокруг Нагорного Карабаха.

Иран представляет удачный пример прагматизма. Будучи исламским государством и выступая с позиций исламской солидарности в этнополитических конфликтах, Иран сохраняет сбалансированную позицию в карабахском конфликте, активно сотрудничая с Арменией в экономической

и коммуникационной сферах⁹⁹. После неудачной попытки Ирана в мае 1992 г. выступить посредником в конфликте, Тегеран больше не проявляет заметного интереса к переговорам, но при этом внимательно и ревниво следит за происходящими вокруг Карабаха политическими процессами. В центре особого внимания Тегерана находится судьба приграничных с Ираном территорий, контролируемых Нагорным Карабахом. Тегеран заинтересован в сохранении этих территорий под армянским контролем (никогда публично этого не высказывая), т.к. они являются своеобразным буфером между Азербайджаном и северными регионами Ирана с тюркоязычным населением. Учитывая это, Иран выступает за консервацию конфликта, против какой-либо его активизации или размещения миротворцев.

Позиция Грузии в отношении карабахского конфликта двояка, несмотря на усилия официального Тбилиси сохранять видимый нейтралитет. Напряженные российско-грузинские отношения, стратегическое партнерство между Арменией и Россией, а также наличие схожих с карабахским конфликтом в Абхазии и Южной Осетии (которым оказывает помощь Россия), отражаются на позиции официального Тбилиси, в своих оценках и действиях зачастую занимающего проазербайджанскую позицию. В то же самое время Грузия получает значительные экономические дивиденды от неурегулированного карабахского конфликта. Проекты транспортировки каспийской нефти и газа из Азербайджана в Турцию прошли через Грузию благодаря наличию неурегулированного конфликта, так как Баку настаивал на прокладке этих трубопроводов в обход Армении.

⁹⁹ Shaffer, Brenda. "Is There a Muslim Foreign Policy? The Case of the Caspian". *Current History*, November 2002, p. 383-386.

Урегулирование карабахского конфликта снизит региональную значимость Грузии, лишит ее экономических и политических преимуществ, которые она получает в условиях конфликта между ее соседями на Южном Кавказе. Даже изменение общего фона вокруг карабахского конфликта, как опасаются многие в Грузии, может негативно сказаться на монопольном региональном положении Грузии¹⁰⁰.

В силу этнической, языковой и религиозной близости с Азербайджаном Турция всегда поддерживала его в карабахском конфликте: во время военной фазы конфликта в 1992-1994 гг. — оружием и военными советниками, а затем — на политическом и дипломатическом уровне и в формате привилегированного военно-технического сотрудничества¹⁰¹. Тем не менее, в 2008–2010 гг. между Анкарой и Ереваном состоялась попытка сближения, ставшая известной как «футбольная дипломатия». Одним из основных факторов, побудивших Ереван нормализовать отношения с Анкарой, являлось желание добиться разблокирования армяно-турецкой границы, что свело бы на нет эффект блокады Армении со стороны Азербайджана. Естественно, последовала резкая реакция Азербайджана, которая привела к ряду серьезнейших кризисов между Баку и Анкарой за всю историю двусторонних отношений, что сильно ограничило гибкость турецких политиков в отношениях с Арменией. Турция попыталась выйти из острой ситуации, давая понять, что улучшение отношений с Арменией будет зависеть от урегулирования карабахской проблемы в выгодной для Азербайджана комбинации. Притом этом ни в одном из документов, подписанных двумя страна-

¹⁰⁰ Nodia, Gia. "How Much Has the World Changed? Implications for Georgia's Policies". *CIPDD Policy Review*, April 2009, p.9.

¹⁰¹ См. подробнее: Демоян Айк. *Турция и карабахский конфликт*. Ер.: 2006.

ми в ходе попытки сближения (заявление о Дорожной карте, Цюрихские армяно-турецкие протоколы), нет упоминания ни о Карабахе, ни об Азербайджане. Именно это обстоятельство завело ситуацию в тупик, т.к. Ереван еще в начале «футбольной дипломатии» заявил, что не пойдет на односторонние уступки в карабахском вопросе в обмен на нормализацию отношений с Турцией¹⁰².

По итогам «футбольной дипломатии» Турция вновь смирилась с позицией Азербайджана в регионе, лишившись права играть сколько-нибудь самостоятельную роль на армянском направлении, так как любой шаг Анкары по пути нормализации отношений с Ереваном приводит к обострению азербайджано-турецких взаимоотношений. Попытки Турции выступить посредником в карабахском урегулировании или изменить переговорный формат (как, например, в мае-июне 2010 г., после заморозки армяно-турецкого процесса) также заранее обречены на провал, так как в условиях продолжающейся блокады Армении со стороны Турции и сохраняющегося военно-политического сотрудничества Анкары и Баку, Турция не воспринимается ни Арменией, ни тремя странами-сопредседателями как беспристрастный игрок. С другой стороны, Турция, являясь членом НАТО и претендуя на роль региональной державы, не заинтересована в возобновлении боевых действий в Нагорном Карабахе, опасаясь вовлечения в конфликт с Россией или осуждения со стороны ЕС и международного сообщества из-за проблемы, которая не входит в число внешнеполитических приоритетов Анкары.

¹⁰² См. подробнее об армяно-турецком процессе: Искандарян Александр, Минасян Сергей. «Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс». *Аналитические доклады Института Кавказа*, №1. Ер.: январь 2010.

Глава 3. Возможные варианты развития событий/попыток изменения асимметрий

Анализ динамики ситуации и позиций основных акторов неизбежно требует попыток обрисовать возможное развитие событий вокруг карабахского конфликта, особенно с учетом специфического подхода, который был выбран в нашей работе — *теории асимметричного конфликта* и *концепции асимметрии*. Следует отметить, что развитие ситуации зависит от целого комплекса факторов, включая интересы и позиции сторон конфликта, а также имеющиеся возможности для их реализации.

Для Азербайджана главный интерес состоит в возвращении утраченных территорий, что отражает стремление *сохранить изначальную асимметрию отношений и статусов сторон*. Азербайджан будет противодействовать превращению НКР в независимое политическое образование, будет блокировать инициативы, которые способствуют: 1) признанию государствами и международными организациями за НКР права на выражение своих интересов; 2) обращению с НКР как с *de facto* отдельным участником ситуации, и 3) формальному закреплению более высокого статуса НКР.

НКР стремится *уменьшить* или даже «*перевернуть*»¹⁰³ *асимметрию отношений*, что должно привести к симметричным или равноправным отношениям с Азербайджаном. Для достижения этой цели Нагорный Карабах будет предпринимать действия для расширения поля своей отдельности и легитимности на трехстороннем (Азербайджан – Армения – НКР), на двустороннем (Азербайджан – НКР), а также на региональном и международном уровнях.

Позиция Армении в этом конфликте представляется двойственной и противоречивой. С одной стороны, обращение к НКР как к независимому образованию должно вести к выработке отдельных позиций, чего на деле не происходит, и Армения выступает от имени Нагорного Карабаха в переговорном формате. С другой стороны, Армения постоянно заявляет, что ее устроит любой исход переговорного процесса, который устроит Нагорный Карабах, в частности, полноценное международное признание НКР. Вместе с тем, несмотря на серьезную зависимость Нагорного Карабаха от Армении, у Еревана мало реальных рычагов давления на Степанакерт для изменения карабахской позиции на переговорах, о чем свидетельствует динамика взаимоотношений Армении и НКР в последние два десятилетия.

3.1. Военно-силовой сценарий: баланс сил, выгоды и потери от применения силы

Азербайджан потенциально может получить выгоду от применения силы. Поскольку завершение военной фазы кон-

¹⁰³ Данный подход выделен Кристофером Митчеллом для понимания отношений в конфликте с асимметричными антагонистами. Подробнее см. Приложения 3 и 4.

фликта в 1994 г. рассматривается как поражение Азербайджана, то возобновление военных действий будет направлено на восстановление утраченного контроля Баку над Карабахом.

Армения или НКР не имеют целей, ради которых было бы рационально инициировать военные действия, однако применение силы может быть необходимым в случае самообороны или ответа на военный шантаж Азербайджана. Военные действия Азербайджана против НКР также могут рассматриваться как «неизбежное зло» для того, чтобы заставить международное сообщество выступить на стороне «слабого» в конфликте и предоставить ему международные гарантии безопасности. В этом случае можно говорить о рациональности поведения «слабого игрока», заинтересованного в поддержке сильных союзников и решении конфликта в свою пользу. По сути, это вариант косовского развития событий.

Рассматривая возможность военного решения проблемы, важно принимать во внимание следующие обстоятельства:

- Моральный аспект начала военных действий (заведомо негативное отношение к любой стороне – инициатору военного конфликта);
- Легальный аспект начала военных действий (нарушение договоренностей и подрыв роли международного сообщества в невозобновлении военных действий);
- Сохраняющийся военно-технический и динамично развивающийся военно-политический баланс между конфликтующими сторонами и вовлеченными в проблемы региональной безопасности внешними акторами;

- Негативный опыт «Пятидневной войны» на Кавказе в августе 2008 г. как неудачной попытки восстановления территориальной целостности и силового решения этнополитического конфликта.

Попытка Грузии восстановить силовым путем территориальную целостность в августе 2008 г. показала, насколько проблематичным может быть такой вариант. В карабахском конфликте, военное и экономическое превосходство Азербайджана не гарантирует победу в случае военного развития событий. Высокая приверженность целям со стороны Армении и НКР, а также включенность в конфликт влиятельных и сильных игроков (Россия, США, Иран, Турция, ЕС) делает такое развитие событий маловероятным, хотя и возможным.

С другой стороны, в рамках теории асимметричного конфликта рассматривались ситуации, когда «слабая сторона», представленная государственным или негосударственным игроком, могла начать военные действия против более сильного противника. Т.В.Паул, руководитель Центра по изучению проблем международного мира и безопасности в университете МакГилла, Канада, в своих работах указывает на факторы, которые могут объяснить агрессивное поведение «слабой стороны» в конфликте. Паул определил 4 условия, при которых может возникнуть асимметричная война:

1. наличие серьезного конфликта интересов;
2. более высокая ценность предмета конфликта для «слабой стороны»;
3. неудовлетворенность «слабой стороны» *status quo*;
4. боязнь «слабой стороны» значительного ухудшения своего положения от сохранения *status quo* в будущем.

В качестве переменных, которые определяют агрессивное поведение «слабой стороны», Паул выделяет следующие:

1. политико-военная стратегия, под которой он понимает наличие ограниченных целей в краткосрочной войне без цели нанесения сокрушительного поражения «сильному противнику»;
2. наличие систем наступательных вооружений;
3. поддержка со стороны великой державы;
4. изменение системы власти внутри страны¹⁰⁴.

Наиболее важными Паул считает стратегию достижения ограниченных целей и поддержка великой державы. Он также отмечает, что в истории были случаи, когда «слабая сторона» осознает неизбежность своего военного поражения, однако надеется на политический выигрыш, следуя принципу «Можно проиграть сражение, но выиграть войну». Как пишет Паул, «для некоторых государств перспектива ограниченного поражения лучше, чем жизнь в непереносимом *status quo*»¹⁰⁵.

Американский политолог Майкл Фишеркеллер полагает, что главным нематериальным двигателем агрессии «слабых стран» является их восприятие сильного противника как «культурно неполноценного» (*culturally inferior*). Главный вывод его исследования — это призыв отделять субъективные оценки культуры потенциального противника как мотив агрессивного поведения «слабой стороны» от традиционных замеров национальной силы, включая национальный характер и мораль¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Paul, T.V. *Asymmetric Conflicts. War Initiation by Weaker Powers*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1994, p.20, 23–35.

¹⁰⁵ Ibid, p.168–170, 174.

¹⁰⁶ Fischerkeller, Michael P. "David Versus Goliath: Cultural Judgments in Asymmetric Wars". *Security Studies*, Vol.7, №4, 1998, p.3, 43.

В случае реализации военного сценария, конфликт между НКР (и поддерживающей ее Арменией) и Азербайджаном будет, вероятнее всего, развиваться согласно парадоксальной логике асимметричного конфликта. Для НКР и Армении этот конфликт воспринимается как «тотальный», для Азербайджана — это проблема важная, но не угрожающая самому существованию нации. Вопрос выживания нации, остро стоящий перед обществом, ведущим «тотальную» войну, совершенно иначе рассматривается нацией, вовлеченной в «ограниченную» войну. Как указывает американский теоретик асимметричного конфликта, который также имеет опыт военной службы, «сильные акторы имеют меньший интерес к победе, т.к. их собственное выживание не является ставкой в конфликте. С другой стороны, слабые акторы имеют повышенную мотивацию к победе, т.к. только победа обеспечивает их выживание»¹⁰⁷.

Рассматривая варианты развития гипотетических военно-политических ситуаций вокруг Нагорного Карабаха, можно утверждать, что в реальности развитие событий может происходить по трем основным сценариям с некоторыми вариациями:

1. *Восстановление контроля Азербайджана над Нагорным Карабахом.* Для реализации этого сценария необходимым условием является проведение исключительно быстрой войны — блицкрига — и стремительное овладение территорией Карабаха, что приведет к изгнанию местного армянского населения. Этот сценарий можно сравнить с опе-

¹⁰⁷ Arreguin-Toft, Ivan. "How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict", p.96.

рациями «Молния» и «Буря» хорватской армии в мае-августе 1995 г., в результате которых была уничтожена непризнанная Республика Сербская Краина и восстановлен контроль Загреб над этими территориями (стоит заметить, что успех этих операций был обусловлен не только военным превосходством хорватов, но также помощью западных стран, а также неучастием в них Сербии в обмен на обещание снять с нее экономические санкции).

2. *Война за независимость и международное признание (вторая, окончательная фаза).* Такой сценарий возможен в случае провала азербайджанского блицкрига и успешного развития оборонительных боевых действий армянских сторон в ходе затяжной окопной войны. Вариантом сценария может быть прямое вовлечение России и структур ОДКБ в боевые действия на стороне Армении, способное динамично изменить всю военно-политическую ситуацию в регионе, и последующее полноценное признание независимости НКР со стороны Армении.
3. *Затяжной конфликт низкой интенсивности.* Данный сценарий возможен в случае быстрой деэскалации конфликта и неудачи наступательных/контр наступательных боевых действий сторон или же проявившегося примерного равенства потенциала противоборствующих армий. После этого боевые действия могут трансформироваться в окопную войну вдоль нынешней или незначительно изменившейся в ту или иную сторону конфигурации границ, а затем — в затяжной конфликт низ-

кой интенсивности, схожий с ситуацией, существующей в настоящее время на линии фронта. Аналогичная ситуация может возникнуть также в случае, если Азербайджан попытается разморозить конфликт, но по тем или иным причинам не решится на дальнейшую военную эскалацию и широкомасштабные боевые действия.

Оценивая возможные варианты развития событий, важно учитывать достаточную рациональность политики руководства Азербайджана. На фоне сохраняющегося *status quo* в карабахском конфликте, президент Алиев намеренно разыгрывает «карту нетерпения и нетерпимости», чтобы получать политические дивиденды как «плату за свое терпение». Его постоянные высказывания на площадках международных форумов об «оккупации территорий Азербайджана», несогласие Баку со сложившимися вокруг Нагорного Карабаха реалиями, стремление привлечь на свою сторону международное сообщество и постоянные угрозы скорого начала боевых действий свидетельствуют об активном использовании Алиевым имеющихся в его распоряжении рычагов влияния. Однако они отнюдь не свидетельствуют о неизбежности начала Азербайджаном крупномасштабных боевых действий.

3.2. Возможность внешнего урегулирования и/или международного принуждения к миру

Карабахский конфликт является единственным из этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, где после прекращения огня стабильность на линии фронта и относительное перемирие сохраняются без какого-либо внешнего содействия, без миротворческих континген-

тов третьих стран и международных организаций. Вместе с тем, в политическом дискурсе конфликтующих сторон, особенно в формате «власть-оппозиция», распространено мнение, что мировое сообщество чрезвычайно заинтересовано в урегулировании и может принудить стороны к некой быстрой схеме, навязанной извне. Этот во многом конспирологический дискурс имеет широкое хождение, несмотря на то, что динамика карабахского конфликта доказывает обратное.

Рассматривая возможность внешнего принудительного урегулирования и международного миротворчества, необходимо учитывать сложность осуществления подобного сценария в силу расхождения позиций акторов мировой политики по региональным процессам на Южном Кавказе и одновременно малой актуальности этой проблемы в мировом масштабе. Существует явная асимметрия между высокой готовностью влиятельных акторов противостоять миротворческим инициативам иных посредников и их низкой заинтересованностью в том, чтобы самим инициировать, поддерживать или навязывать внешнее решение проблемы вопреки позициям конфликтующих сторон. Надо также учитывать технические сложности развертывания в зоне карабахского конфликта миротворческой операции по принуждению к миру.

Вместе с тем, малая вероятность «внешнего урегулирования» сохраняется лишь в нынешней ситуации «ни войны, ни мира» и относительного перемирия. Однако в случае возобновления боевых действий в зоне конфликта нельзя полностью исключить сценарий, в котором международное сообщество сочтет себя вынужденным начать миротворческую операцию. Сочтя ситуацию опасной для региональной безопасности или способной вызвать тяжелые гу-

манитарные последствия, международное сообщество может отреагировать в форме «классического» принуждения к миру, несмотря на все технические и институциональные ограничения. Можно провести аналогию с действиями коалиционных международных сил под эгидой США в 1991 г. в Кувейте или стран НАТО в 1999 г. в Косово, а также с односторонним вовлечением России в боевые действия в Южной Осетии в августе 2008 г.

Гипотетически, в случае начала военных действий одной из сторон карабахского конфликта или резкого ухудшения положения населения на данных территориях (гуманитарная катастрофа), проведение международной операции по принуждению к миру возможно под эгидой ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО или ОДКБ.

ООН не вовлечена напрямую в процесс урегулирования карабахского конфликта. Однако после окончания Холодной войны ООН поддержала проведение ряда операций по принуждению к миру во внутренних конфликтах, нередко выступая на стороне непризнанного участника. Тем не менее, проведение миротворческой операции под эгидой ООН на Южном Кавказе маловероятно, так как здесь представлены интересы России, одного из постоянных членов СБ ООН, а также других коллег по посредничеству с таким же статусом — США и Франции. Кроме того, при всех ее достижениях и важной стабилизирующей роли в мировой политике, ООН не всегда имеет возможность вести миротворческую деятельность в глобальном масштабе. Более того, можно привести немало примеров неудачных или даже катастрофических миротворческих миссий ООН в различных конфликтных регионах. Поэтому в последние десятилетия, несмотря на общее увеличение масштабов миротворческой деятельно-

сти и численности контингента «голубых касок» ООН, заметна неуклонная тенденция к делегированию ею своих миротворческих функций различным региональным организациям, военно-политическим блокам и международным коалициям.

Региональной организацией, которая могла бы эффективно реализовать миротворческую операцию или принуждение к миру в зоне карабахского конфликта, по идее является ОБСЕ, особенно учитывая то, что переговоры идут в рамках Минской группы ОБСЕ. Однако специфика создания и функционирования ОБСЕ затрудняет выполнение ею миротворческих функций в правовом, политическом и практическом смысле, хотя организация и была активно вовлечена в урегулирование и постконфликтное восстановление многих вооруженных конфликтов в зоне своей ответственности в последние двадцать лет. Обязательства стран-участниц ОБСЕ носят политический характер, а в структуре ОБСЕ в отношении государств-членов нет четкого механизма имплементации решений. Действующий в ОБСЕ принцип консенсуса при принятии решений (лишь в исключительных случаях в сфере защиты прав человека применяется принцип «консенсус минус один») затрудняет принятие решений при необходимости оперативного реагирования и развертывания миротворческой операции.

ОБСЕ в своей миротворческой деятельности делает упор на политической и гуманитарной, а не военной составляющей. Организация не имеет опыта осуществления операций по поддержанию мира и, тем более, по принуждению к миру. Единственная попытка проведения операции по поддержанию мира, закончившаяся безрезультатно, так и не начавшись, была предпринята ОБСЕ в 1994 г.

именно в зоне карабахского конфликта¹⁰⁸. Предпринятые до сих пор неудачные попытки развертывания миротворческой операции в Нагорном Карабахе наглядно продемонстрировали ограниченность ресурсов и отсутствие у ОБСЕ необходимого опыта в реализации «классических» комплексных миротворческих операций, выходящих за формат обыкновенного мониторинга, превентивных мер и наблюдательных миссий.

Такую позицию наглядно отражают заявления сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Так, Мэтью Брайза, в тот момент американский сопредседатель МГ ОБСЕ, во время встречи с армянскими молодежными организациями в Цахкадзоре в августе 2009 г. отметил, что возможные миротворческие силы в зоне карабахского конфликта будут скорее выполнять лишь наблюдательные функции: «Мы

¹⁰⁸ Решение предполагало поэтапное направление сначала 200, затем 400 и потом до 600 военных наблюдателей в Карабах для разъединения конфликтующих сторон. Была сформирована так называемая Группа планирования высокого уровня (ГПВУ – HLPG – High Level Planning Group), которая должна была заниматься практической организацией миротворческой операции в Карабахе. Однако в 1990-х гг. по различным причинам операция так и не была реализована. ГПВУ периодически осуществляет поездки в зону конфликта, а в 2003 г. действующий председатель ОБСЕ даже издал об этом специальную директиву. Однако дальнейших шагов не предпринималось, так как не было политических предпосылок для развертывания миротворческой операции. Из мер по выработке доверия и мониторинга в зоне карабахского конфликта во второй половине 1990-х гг. реализовано лишь создание структур личного представителя председателя ОБСЕ во главе с послом А. Каспршиком и групп военных наблюдателей по соблюдению режима прекращения огня. Новый этап переговоров со сторонами конфликта активизировался примерно с 2005 г., после выработки Минской группой очередного пакета мирного урегулирования. Согласно просочившимся в прессу сведениям, возможный формат миротворческой операции предполагал разъединение сторон в буферной зоне, размещение контингента международных миротворцев и демилитаризация зоны конфликта. См. “Survey of OSCE Field Operations”, *Conflict Prevention Centre*, SEC.GAL/183/10, 29 October 2010, http://www.osce.org/documents/cpc/2009/10/3242_en.pdf.

как сопредседатели предлагаем, чтобы они не были вооружены, выполняли функции наблюдателей и не могли принуждать к миру... Опыт Косово и Боснии показывает, что миротворческие силы не в состоянии предотвращать вооруженный конфликт, если одна из сторон конфликта желает этого»¹⁰⁹. Очевидно, что формат миссии невооруженных наблюдателей в отличие от полноценной миротворческой операции с возможностью реального разъединения сторон серьезно ограничивает возможности реагирования международного сообщества в случае невыполнения одной из них мирных соглашений или принятия решения о внезапном возобновлении боевых действий в зоне конфликта.

Европейский Союз уже имеет в регионе Южного Кавказа определенный опыт проведения «прото-миротворческой» операции, или, точнее, кризисного реагирования в ограниченном формате. Миссия европейских наблюдателей в зонах конфликтов в Южной Осетии и Абхазии была развернута в соответствии с подписанными в августе-сентябре 2008 г. «Соглашениями Медведев-Саркози». Вместе с тем, нормативно-правовые документы и концептуальные установки ЕС не предусматривают его участия в операциях по принуждению к миру или иного рода миротворческих операциях высокой степени интенсивности, а практических механизмов для выполнения такого рода миссий не существует. Миротворческий потенциал ЕС состоит из сил реагирования (усиленные батальонные боевые тактические группы) и гражданских антикризисных структур. Несмотря на декларируемый ЕС глобальный характер его антикри-

¹⁰⁹ *Нагорный Карабах: Миротворческие силы в зоне карабахского конфликта будут выполнять наблюдательные функции.* www.newsarmenia.ru, 07.08.2009.

зисной деятельности, он вынужден ограничивать географические рамки своих миссий, уделяя основное внимание европейскому региону и территориям по его периметру, с упором на Балканы, Средиземноморье и Африку. Особый интерес к Африке объясняется историческими связями европейских стран с этим регионом¹¹⁰ и стремлением не допустить дальнейших гуманитарных катастроф на этом континенте, что может привести, в том числе, к массовому притоку мигрантов в Европу¹¹¹.

Медленная реализация программы «Восточного партнерства» и других программ Европейского Союза по сотрудничеству с государствами Южного Кавказа показывает, что у ЕС вряд ли имеются достаточные стимулы, а также институциональные и силовые ресурсы для осуществления миротворческой операции или операции по принуждению к миру в карабахском конфликте. Более того, заявляемая ЕС ставка на «мягкую силу» в противовес «жесткой силе»¹¹² предполагает, что он будет способствовать урегулированию конфликта невоенным путем. Стратегия ЕС включает в себя долгосрочную программу трансформации конфликта через развитие совместных экономических проектов, создание новой идеологии регионального единства в противовес

¹¹⁰ В Африке в XX в. находились колонии и зависимые территории Франции, Великобритании, Бельгии, Италии, Германии и Испании, с которыми бывшие метрополии сохранили экономические, политические и культурные связи. В рамках «Политики развития» европейские страны осуществляют помощь африканским странам для решения множества проблем, с которыми они сталкиваются с обретением независимости.

¹¹¹ Благовещенский А., Рышковский В. «Операции и миссии Европейского Союза». *Зарубежное военное обозрение*, №7, 2008, с.13-18.

¹¹² Особая позиция европейских стран по вопросу о применении силы стала основой острых разногласий между ЕС и США в конце 2002-начале 2003 г. в период подготовки войны в Ираке. Эти разногласия о «мягкой» и «жесткой» силе получили свое яркое выражение в статье и затем книге американского аналитика Роберта Кейгана «О рае и силе:

разделяющим линиям национального строительства, меры по преодолению изоляции конфликтующих сторон и подчеркнута сбалансированное отношение к проблемам всех сторон конфликта.

Участие НАТО в миротворческой операции в зоне карабахского конфликта могло бы иметь шансы на успех, учитывая весьма схожий с Нагорным Карабахом прецедент Косово и роль НАТО в проведении операций по принуждению к миру и постконфликтному восстановлению на Балканах. Однако, поскольку Армения и Азербайджан уже участвуют в программах НАТО и хотят продолжать в них участвовать, любое возможное урегулирование силами Альянса будет сконцентрировано на невоенных способах: консультативные политические механизмы и модернизация вооруженных сил обеих стран, проведение совместных учений, и т.д.¹¹³ Кроме того, необходимо принимать во внимание продолжающуюся операцию стран НАТО в Афганиста-

Америка и Европа в новом мировом порядке». Кейган сравнил слабую в военном смысле Европу с Венерой, а США — с Марсом. Он обвинил европейские страны в том, что их стремление урегулировать конфликты мирным путем попросту отражает их малую военную силу, а послевоенное благополучие Европы и возможность тратить средства на экономическое развитие были достигнуты за счет США, которые обеспечивали безопасность Европы своим высоким военным потенциалом и расходами на оборону Европы. В частности, сравнивая подходы США и Европы к урегулированию конфликтов, Кейган писал: «Европейцы пытаются влиять на других, ловко избегая прямолинейности. Они спокойнее относятся к неудачам и более терпеливы, когда не удается быстро найти решение. Как правило, они склонны решать проблемы мирным путем, предпочитая переговоры, дипломатию и убеждение принуждению. В спорных вопросах они скорее станут апеллировать к международному праву, договоренностям и общественному мнению. Они стремятся использовать торговые и экономические связи для укрепления отношений между странами. Часто они считают, что процесс важнее результата, полагая, что в конечном итоге процесс может стать реальностью». Кейган Р. Указ. соч. М., 2004, с.9.

¹¹³ Олевский В. «Деятельность НАТО по обеспечению европейской безопасности». *Зарубежное военное обозрение*, №5, 2010, с.3-10.

не и негативную реакцию Турции на войну в Ираке. Наконец, Россия и Иран против активного вовлечения НАТО в регион. Соответственно, миротворчество в Карабахе силами НАТО в настоящее время практически исключено.

Участие стран ОДКБ в реализации миротворческой операции также возможно только гипотетически. ОДКБ не имеет серьезных силовых, институциональных и иных ресурсов для реализации миротворческой операции. Формирование Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) и миротворческих контингентов ОДКБ находится на начальной стадии и вряд ли будет завершено в ближайшем будущем. Едва ли страны-участницы ОДКБ будут на стороне ее вовлечения в миротворческую операцию в зоне карабахского конфликта, а если это крайне маловероятное событие все же произойдет, оно вызовет противодействие других внешних акторов. И, наконец, факт членства Армении в ОДКБ делает практически невозможным восприятие азербайджанской стороной миротворческой операции под эгидой ОДКБ как объективной и беспристрастной.

Таким образом, возможность навязывания внешнего урегулирования или принуждения к миру в зоне карабахского конфликта невелика. Мировое сообщество вмешивается далеко не во все конфликты, нуждающиеся в разрешении. Вмешательство становится намного вероятнее при наличии политического давления ведущих мировых или региональных держав, имеющих интересы в зоне конфликта и готовых предоставить военные контингенты и возглавить операции. Кроме того, проведение таких операций зависит от оценки реальности разрешения конфликта в короткие сроки. Существует небольшое число удачных примеров миротворческих операций, в основном на периферии мировой политики, в достаточно отдаленных географических регио-

нах мира, где особо не пересекались геополитические и геэкономические интересы ведущих мировых игроков (например, операции под эгидой ООН в Мозамбике в 1992-1994 гг. или в Камбодже в 1991-1993 гг.).

Как показывает миротворческая практика, в случае отказа одной или всех конфликтующих сторон следовать договоренностям, а также наличия неконтролируемых политических и военизированных групп на территории конфликта, возможность оперативного вмешательства мирового сообщества невелика. Помимо сложностей, которые сопровождают принятие решения об осуществлении миротворческой операции Советом Безопасности ООН или иной региональной международной организацией, до реального выполнения операции необходимо преодолеть множество бюрократических препон, и порой миротворцы прибывают на место, когда уже слишком поздно. Как недавно признал американский сопредседатель МГ ОБСЕ Роберт Брадке, «в зону карабахского конфликта немедленно доставить большие силы миротворцев невозможно»¹⁴. Кроме того, нередко международные миротворческие операции заканчивались катастрофическими провалами в виде возобновления вооруженных конфликтов и новых вспышек насилия, предотвратить которые международное сообщество оказалось не в состоянии или же отреагировало слишком поздно (например, Синайский полуостров в 1967 г., Ливан в 1982 г., Сомали в 1992-1995 гг., Руанда в 1993-1994 гг., Сребреница в 1995 г.).

Можно найти примеры и более эффективных операций, когда удавалось принудить к миру или остановить кро-

¹⁴ В зону карабахского конфликта невозможно немедленно доставить большие силы миротворцев: Роберт Брадке, www.regnum.ru/news/foreign/abroad/armenia/1325655.html, 15.09.2010.

вопролитие в зонах конфликта. Нередко эти операции были результатом односторонних действий великих держав, международных коалиций или военно-политических блоков (например, Балканы в 1990-е гг., Южная Осетия в 2008 г.). Однако односторонние действия бывают обычно политически пристрастными и не могут быть восприняты всеми сторонами конфликта и мировым сообществом как справедливые и законные, и не являются примерами компромиссного и успешного одностороннего принуждения к миру.

3.3. Пролонгация *status quo* как механизм поиска компромиссов и деактуализации конфликта

Очевидно, что наилучшим способом решения асимметричных конфликтов являются переговоры. Однако переговоры часто отвергаются, так как «сильные стороны» или государственные акторы полагают, что переговоры с сепаратистами повышают статус последних до представительства интересов части населения, что придает легитимность самому их существованию и требованиям. Решение такого рода конфликтов возможно только при желании сторон идти на компромиссы по поводу формы и разделения полномочий между центром и отделившейся/отделяющейся территорией. Почти всегда государственный актор будет стремиться: а) сохранить целостность страны и максимум контроля, б) удержать конфликт в рамках внутренней юрисдикции и в) препятствовать интернационализации конфликта и равного участия в переговорах стороны-претендента.

Как пишет В. Зартман, «государство стремится обратить асимметрию в эскалацию для того, чтобы уничтожить повстанцев, разрушить их устремление к поставленной цели и принудить их искать мира. Повстанцы обычно пытаются разрушить асимметрию, обращаясь за помощью к сторонне-

му или соседнему государству, таким образом приводя к интернационализации конфликта. Делая это, повстанцы радикально меняют структуру конфликта от двойной асимметричной диады к шаткой триаде огромной сложности»¹¹⁵.

В силу комплексного характера конфликта, урегулирование противоречий по поводу Нагорного Карабаха возможно через разрешение противоречий в двух взаимозависимых плоскостях – симметричной и асимметричной. Для Азербайджана приоритетным является «государственнический» подход к проблеме, где Армения несет ответственность «за оккупацию» азербайджанских территорий. Позиция НКР и Армении акцентирована на праве непризнанного актора получить защиту и поддержку международного сообщества для реализации права наций на самоопределение. Этот подход получил юридическое оформление в международном праве в период после Второй мировой войны. Участие ООН, ОБСЕ, СЕ и ЕС в урегулировании таких конфликтов – это попытка совместить и учесть позицию государств и этнических меньшинств.

В данный момент карабахский конфликт находится в этой «шаткой триаде сложности» и замкнут в формуле «конфликта с нулевой суммой». Возможные решения проблемы, предлагаемые внешними сторонами, направлены на его трансформацию в «конфликт с ненулевой суммой», когда интересы сторон формулируются как совместимые, а не взаимоисключающие.

В настоящее время совместить интересы невозможно, хотя в среднесрочной и долгосрочной перспективе есть надежды на их соприкосновение и совмещение, если у сторон

¹¹⁵ Zartman, William. "Dynamics and Constraints in Negotiation in Internal Conflicts", p.11.

появятся новые интересы, например, необходимость нахождения компромиссного решения и установления мира и стабильности на Южном Кавказе в качестве условия для возможности стать членами Европейского Союза. Может произойти некоторая деактуализация конфликта в приоритетах населения конфликтующих сторон, что создаст предпосылки для нахождения точек соприкосновения между их позициями.

После завершения «горячей» стадии конфликта в 1994 г., ситуация находится в «замороженном» состоянии. Понятие «замороженного» конфликта подразумевает наличие всех структурных элементов конфликта — объективных и субъективных, при отсутствии конкретных действий сторон по достижению своих целей. «Заморозка» конфликта означает сохранение потенциала его пробуждения и возможность стремительной эскалации до полномасштабной войны при ослаблении контроля над ситуацией или отказа сторон от добровольного или вынужденного самоограничения. Эскалация возможна также и при неадекватном поведении сил, которые не являются прямыми участниками конфликта, но имеют интересы и влияние в регионе.

Многие аналитики предрекают карабахскому конфликту продолжительное пребывание на стадии консервации при постоянном внимании региональных и международных игроков, заинтересованных в стабильности ситуации в регионе. Невозможность нахождения приемлемого компромисса по спорным вопросам заставляет посредников надеяться на сохранение хрупкого мира в противовес полномасштабной войне. Однако то, что кажется невозможным сейчас, в среднесрочной перспективе может стать реальностью при сохранении двух важнейших условий: 1) невозобновления боевых действий сторонами

конфликта и 2) сохранения формального переговорного формата между конфликтующими сторонами при активной поддержке и под давлением политического авторитета влиятельных мировых акторов, заинтересованных в стабильности региона. Исходя из подобной логики, даже вынужденное сохранение нынешнего *status quo* может стать неким механизмом для нахождения компромиссов между сторонами к тому моменту, когда они будут внутренне готовы к урегулированию и возникнут более благоприятные внешние предпосылки.

Заключение,

или что дает теория асимметричного конфликта для понимания и прогнозирования карабахского конфликта?

Анализ ситуации вокруг Нагорного Карабаха при помощи теории асимметричного конфликта позволяет выделить наиболее существенные характеристики текущей ситуации, которые помогают понять прошлое и прогнозировать возможное развитие событий в будущем. Теория асимметричного конфликта предлагает рассматривать ситуацию в тесной взаимосвязи событий на уровне внутренней, внешней, региональной и глобальной политики, и предполагает возможность нелинейного развития событий, вопреки существующей формальной логике и привычных подходов стратегического анализа.

Завершение военной фазы конфликта 1992–1994 гг. победой формально «слабой стороны» – НКР в борьбе против «сильной стороны» – Азербайджана, подтверждает положение теории о том, что превосходство в военной силе и ресурсах не гарантирует военной и политической победы. Факторы, обеспечивающие победу относительно слабого в конфликте, в данном случае включали: военную, военно-

техническую, экономическую и политическую помощь другой страны (Армения); высокий моральный дух и мобилизацию карабахского населения; давление на участников конфликта со стороны мировых и региональных держав и международных организаций (Россия, США, европейские страны, СНГ/ОДКБ, ОБСЕ, ООН) с целью прекращения военных действий.

В настоящее время в НКР происходят процессы, направленные на «переворот» асимметричных отношений с Азербайджаном и мировым сообществом. За годы существования в формате непризнанного государства НКР успешно развивала институты государственной власти в военной, политической, экономической и социальной областях. Подчеркнуто отдельное существование Армении и НКР заставляют лидеров последней к осуществлению полного признания на международном уровне для закрепления достигнутого прогресса в строительстве государственности. В этом смысле, пролонгация *status quo* для Нагорного Карабаха — это *худший из лучших* вариантов, так как он не отменяет самого факта отдельного существования НКР. Для Азербайджана напротив, вынужденная ситуация является *лучшим из худших* вариантов, так как несмотря на отдельность НКР, на международном уровне ее не признали другие государства.

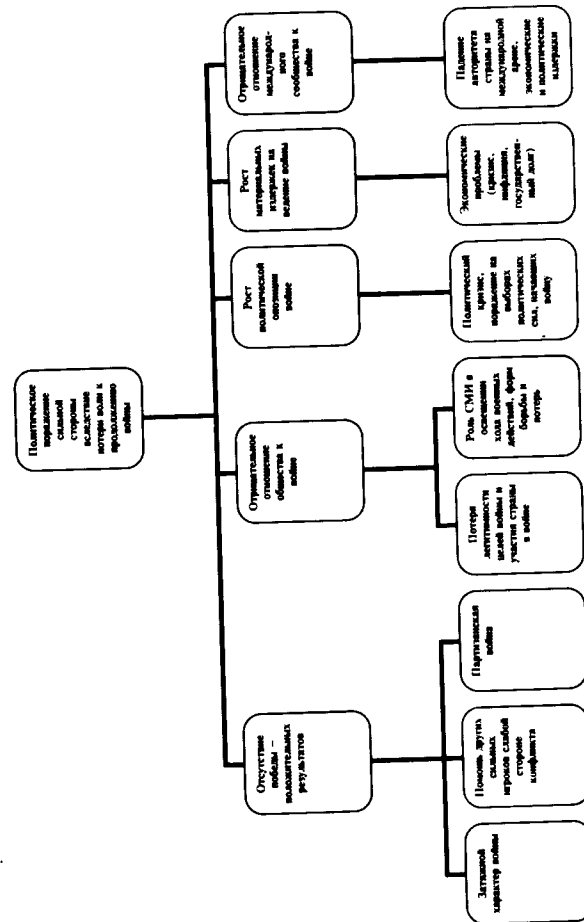
В то же самое время не стоит преувеличивать готовность международного сообщества оказать реальную военную помощь в случае начала боевых действий. Это важнейшее обстоятельство, которые понимают все стороны конфликта. Ни НКР, ни Армения, ни Азербайджан не могут быть уверенными в том, что их односторонние действия получат одобрение и поддержку со стороны международного сообщества. Более того, скорее терпение и желание ид-

ти на компромиссы будут рассматриваться как поведение, достойное поощрения и поддержки со стороны влиятельных игроков мировой политики.

Отказ от быстрых и простых рецептов решения сложной ситуации является другим парадоксальным выводом из серии асимметричных конфликтов, которыми так богата мировая история последних нескольких десятилетий.

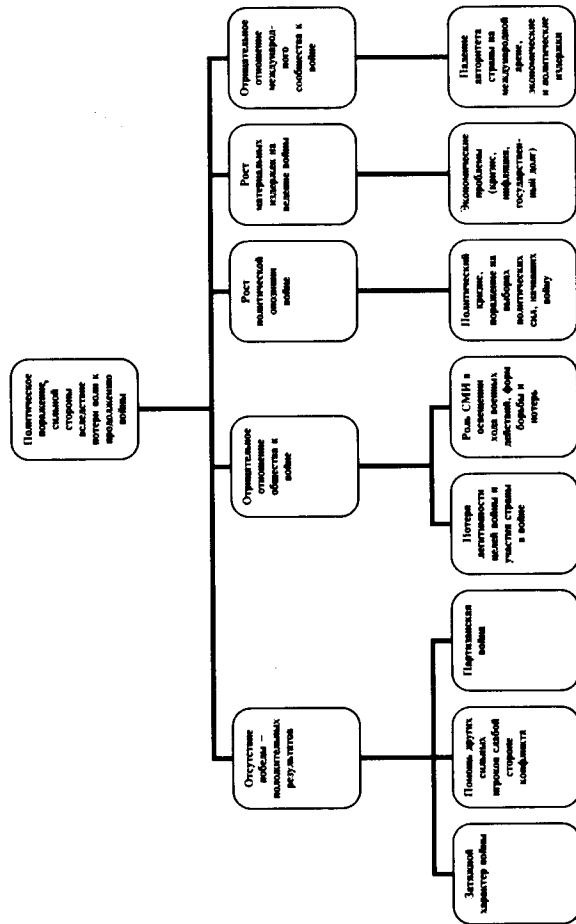
Приложения

Приложение 1. Модель анализа факторов поражения «сильной стороны» в вооруженном асимметричном конфликте¹¹⁶

¹¹⁶ Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными, с.49.

Приложение 2. Модель анализа факторов победы «слабой стороны» в вооруженном асимметричном конфликте¹¹⁷

¹¹⁷ Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными, с.51.

Приложение 3. Ключевые асимметрии в затяжных региональных конфликтах¹¹⁸

Природа асимметрии между стороной 1 (С1) и стороной 2 (С2)	Определение
Возможности	
Способность к сдерживанию	Степень, в которой С1 может сдерживать С2, но не наоборот
Внешняя поддержка	Уровень помощи С1 сторонним участникам конфликта
Доступ	Способность С1 быть самой и ее целей признанными как части политической повестки дня в соответствующем процессе принятия решений
Видимость	Способность С1 быть видимой для широкой общественности
Опыт потерь	Уровень опыта потерь С1 в результате конфликта
Способность выживать	Способность С1 выживать после крупных поражений
Способность вести торг/переговоры	Способность С1 умело вести переговоры
Структура	
Внутригрупповое единство	Количество внутригрупповых расхождений
Легитимность лидерства	Степень, в которой лидеры С1 могут претендовать на законность пребывания у власти
Небезопасность элиты	Степень угрозы для пребывания в должности лидеров внутри С1
Мобилизация сторонников	Степень, в которой элита и массы С1 вовлечены в конфликт
Привязанность/зависимость элиты	Степень, в которой лидеры С1 связывают свое будущее с успешным решением конфликта
Приверженность целям	
Важность цели	Важность предмета конфликта для С1
Приверженность цели сторонников	Степень поддержки целей элитой и массами С1
Внешняя зависимость	Степень, в которой продолжение конфликта С1 зависит от поддержки со стороны внешнего патронажа

¹¹⁸ Mitchell, C. "Asymmetry and Strategies of Regional Conflict Reduction", p.28-29.

Приверженность к переменам	Степень, в которой цели С1 требуют изменений status quo
Ожидание успеха	Уровень восприятия возможности успеха в конфликте посредством стратегий, которые реализует С1
<i>Взаимозависимость</i>	
Изоляция/взаимозависимость	Связи С1 с другими серьезными конфликтами
Параллелизм	Степень, в которой конфликт/его результаты имеют прецеденты в других серьезных конфликтах
Историческое оправдание	Степень, в которой конфликт может быть привязан к историческим прецедентам или примерам
<i>Законность/статус</i>	
Представительство	Степень, в которой права/способность лидеров С1 представлять С1 принимается в целом
Существование	Степень, в которой право С1 на существование как стороны принимается и признается в целом
Легитимность	Законная основа С1
<i>Моральность</i>	
Признание права на существование	Степень, в которой С1 признает за С2 право на существование и борьбу
Признание проблемы / предмета конфликта	Степень, в которой С1 признает, что С2 имеет основание для конфликта
Принятие целей	Степень, в которой С1 принимает законность целей С2
<i>Поведение</i>	
Насилие	Степень насилия, использованного С1 против С2
Сдерживание	Уровень сдерживания, примененный С1 против С2
Убеждение	Степень убеждения, использованного С1 против С2
Примирение	Степень примирения, использованного С1 в отношении С2
Избегание	Попытки С1 избегать предмета конфликта или общения с С2

С1 – сильная сторона конфликта, государство.

С2 – слабая сторона конфликта, представленная политической оппозицией, сепаратистским движением и т.д.

Приложение 4. Стратегии для сохранения или разрушения ключевых асимметрий¹¹⁹

Измерение	Позитивное Сохранить/Эксплуатировать	Негативное Уменьшить/Обратить
<i>Возможности</i>		
Способность к сдерживанию	С1 сохраняет ресурсные преимущества С1	С2 увеличивает ресурсную базу для борьбы
Внешняя поддержка	Исключает другие стороны от участия в конфликте С1	С2 вовлекает другие стороны для поддержки и патронажа
Доступ	С1 сохраняет собственный доступ к ключевым процессам, отказывая в доступе С2	С2 увеличивает свой доступ к соответствующим политическим процессам
Видимость	С1 изолирует проблему как внутреннее дело и настаивает на невмешательстве	С2 привлекает внимание общественности к конфликту; поддерживает дискуссии на публичных площадках
Опыт потерь	С2 изолирует влияние цены борьбы	С2 увеличивает цену борьбы для С1 и распространяет об этом информацию
Способность выживать	С1 уменьшает влияние С2 на политическую легитимность	С2 защищает ключевых лидеров и символы против поражений
Способность вести торг/переговоры	С1 поддерживает свои каналы и навыки ведения переговоров; отрицает С2	С2 развивает свои навыки и систему для возмещения подобных у С1
<i>Структура</i>		
Внутригрупповое единство	С1 поддерживает собственное единство, но реализует принцип «разделяй и властвуй» к С2	С2 укрепляет свое единство и стремится расколоть сторонников С1
Легитимность лидерства	С1 поддерживает легитимность, уменьшая нарушения	С2 повышает свою легитимность через достижение успехов и подрыв позиции С1
(Не)безопасность элиты	С1 охраняет себя против внутрипартийных угроз и со стороны С2	Безопасность С2 увеличивается с успехами в борьбе и способностью преодолевать внутрипартийную критику

¹¹⁹ Mitchell, C. "Asymmetry and Strategies of Regional Conflict Reduction", p.33-36.

Мобилизация сторонников	-	C1 поддерживает достаточный, не алармистский уровень мобилизации среди своих сторонников, подрывает мобилизацию оппозиции
	C2 поддерживает высокий уровень мобилизации, добиваясь успехов	-
Привязанность/зависимость элиты	C1 реализует стратегии, направленные на выполнение общественных ожиданий	C2 уравнивает приверженность заявлениям и целям
<i>Приверженность целям</i>		
Важность цели	-	C1 удерживает проблему на периферии
	C2 Увеличивает значение проблемы для C1	-
Приверженность цели сторонников	-	C1 подрывает моральный дух и приверженность C2; увеличивает свою
	C2 поддерживает высокий уровень моральных дух среди сторонников, подрывает позицию C1	-
Внешняя зависимость	-	C1 поддерживает собственный низкий уровень зависимости и поддерживает отношения с C2 на своих условиях
	C2 уменьшает свою зависимость от внешней поддержки	-
Приверженность к переменам	-	C1 увеличивает приверженность переменам до уровня, необходимого, чтобы подорвать поддержку C2
	C2 поддерживает свою приверженность на уровне, необходимом для максимальной поддержки	

Ожидание успеха через сдерживание	C1 сохраняет на ожидаемом уровне	C2 подрывает ожидания C1 на легкий успех
<i>Взаимозависимость</i>		
Изоляция/взаимозависимость	C1 изолирует конфликт от других, в которые C1 вовлечена	C2 усиливает связь своего конфликта с другими, которые предлагают возможные модели решения
Параллелизм	C2 подчеркивает параллели с другими «схожими» конфликтами	C1 подчеркивает уникальность ситуации
Историческое оправдание	C2 подчеркивает параллели с другими «схожими» конфликтами	C1 подчеркивает уникальность ситуации
<i>Законность/ статус</i>		
Представительство	C1 стремится к тому, чтобы лидеры C2 не были признаны	C2 стремится ко всеобщему признанию своих лидеров
Существование	C1 стремится к тому, чтобы существование C2 как законного участника конфликта подвергалось сомнению	C2 стремится получить всеобщее признание права на существование
Легитимность	C1 поддерживает превосходство своего законного положения	C2 подрывает основания законности позиции C1
<i>Моральность</i>		
Признание права на существование	C1 добивается того, чтобы отказ C1 права на существование C2 сохранялось	C2 стремится получить от C1 признание права на существование
Признание проблемы / предмета конфликта	C1 продолжает подвергать сомнению предмет конфликта	C2 стремится к признанию возможности решения проблемы помимо C1
Цели	C1 продолжает отказываться в законности требований C2 (целей и устремлений)	C2 стремится к признанию законности своих целей и устремлений
<i>Уровень активности</i>		
Сдерживание	C1 сохраняет или стремится уменьшить сдерживание и контроль	C2 стремится к эскалации конфликта

Приложение 5. Показатели национальной силы Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха¹²⁰

Страна	Азербайджан	Армения	НКР
Ресурсы			
Территория	86,6 тыс. км ² (фактически контролирует лишь примерно 74,8 тыс. км ²)	29,8 тыс. км ²	11,722 тыс. км ²
Границы	566 км – Армения 221 км – Армения (с Нахичеванской Республикой) 336 км – Грузия 9 км – Турция 605 км – Иран 338 км – Россия	566 км – Азербайджан 221 км – с Нахичеванской Республикой Азербайджана 164 км – Грузия 268 км – Турция 35 км – Иран	-
Население	8,730 млн. чел. положительный прирост	2,967 млн. чел. (3,2 млн.) отрицательный прирост	141,4 тыс. чел.
Продолжительность жизни	66,66 лет 157 место в мире	72,68 лет 118 место в мире	-
Этнический состав	90,6% - азербайджанцы 1,8% - русские (141 тыс.)	97,9% армяне	98% армяне
Грамотность	98,9%	99,4%	не менее 99%
Городское население	52%	64%	-
Миграционный прирост	-1,69/1 000	-4,56/1 000	- 1,4/1000 (2007 г.)
Экономика			
ВВП	85,77 млрд. долларов 73 место в мире ¹²¹	16,24 млрд. долларов 132 место в мире ¹²²	~ 305 млн. долларов (оценка на 2009 г.)

¹²⁰ Статистические данные по Армении и Азербайджану взяты с Интернет-порталов: МИД РФ. Россия - государства-участники СНГ - <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/strana>; World Factbook. CIA. USA - <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>. Данные по НКР представлены согласно официальному сайту Президента НКР - <http://www.president.nkr.am/ru/nkr/generalInformation/>. Использованы также экспертные оценки, предоставленные специалистом по непризнанным/частично признанным государствам Южного Кавказа Давидом Петросяном.

¹²¹ Увеличение ВВП почти в 6 раз при сопоставлении данных за 2000 г. и 2010 г.

¹²² Произошло увеличение ВВП и ВНП на душу населения почти в 2 раза при сопоставлении данных за 2000 и 2010 гг.

Реальный рост ВВП (за 2009 г.)	9,3% 3 место в мире	-14,4% 210 место в мире ¹²³	13,1% (2008 г., оценка)
ВВП на душу населения	10400 долларов 102 место в мире	5500 долларов 138 место в мире	2400 долларов (оценка на 2009 г.)
Уровень бедности	16% – 2008 г. 49% – 2004 г.	26,5%	-
Распределение ВВП по секторам экономики	Промышленность – 61,4% Сел. хозяйство – 5,6% Услуги – 33%	Сел. хозяйство – 46,2%; промышленность – 15,6% услуги – 38,2%	Сфера услуг – 34,4%; промышленность и строительство – 34,3%; сельское хозяйство – 245% (2007 г.)
Экспорт	13,16 млрд. долларов 75 место в мире	0,714 млрд. долларов 159 место в мире	72,5 млн. долларов (2007 г.)
Экспорт – страны получатели	Италия – 20,69 % Индия – 10,67 % США – 9,24 % Франция – 8,15% Германия – 7,62% Индонезия – 6,63% Канада – 5,13%	Германия – 16,4% Россия – 15,45% США – 9,64 % Болгария – 8,6% Грузия – 7,57% Нидерланды – 7,48% Бельгия – 6,71% Канада – 4,91%	Армения, Россия, Украина, Испания, Иран
Импорт	5,448 млрд. долларов 106 место в мире	2,720 млрд. долларов 142 место в мире	204,8 млн. долларов
Импорт – страны поставщики	Турция – 18,69% Россия – 16,98% Германия – 7,87% Украина – 7,3% Китай – 6,18% Великобритания – 5,73%	Россия – 24% Китай – 8,72% Украина – 6,15% Турция – 5,39% Германия – 5,36% Иран – 4%	Армения, Россия, Беларусь, Грузия, Украина, Великобритания, Иран, США, ОАЭ, Ливан, Турция
Потребление электроэнергии	18 млрд. кВт 70 место в мире	4,776 млрд. кВт 109 место в мире	225,5 млн. кВт (2007 г.)

¹²³ Россия в этом рейтинге на 206 месте, Украина на 212, Латвия на последнем 213. На 1 месте – Афганистан. - <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2003rank.html?countryName=Azerbaijan&countryCode=aj&regionCode=me&rank=3#aj>.

Производство электроэнергии	18,6 млрд. кВт 72 место в мире	5,585 млрд. кВт 109 место в мире	90,4 млн. кВт
Потребление нефти	136 000 бар/день 70 место в мире	49 000 бар/день 98 место в мире	-
Импорт нефти	2 848 бар / день 170 место в мире	45 200 бар/день 93 место в мире	-
Экспорт нефти	528 900 бар /день 29 место в мире	0	-
Потребление нат. газа	10,12 млрд. м ³ 47 место в мире	1,93 млрд. м ³ 81 место в мире	-
Импорт нат. газа	0	1,93 млрд. м ³	-
Экспорт нат. газа	5,564 млрд. м ³ 25 место в мире	0	-
Внутренний долг	5,1% ВВП	-	-
Внешний долг	2,411 млрд. долларов 129 место	4,47 млрд. долларов 106 место в мире	-

Приложение 6. Военно-технический баланс в зоне карабахского конфликта по состоянию на начало 2010 г.¹²⁴

	Азербайджан	Армения	Нагорный Карабах
Численность регулярных вооруженных сил ¹²⁵	~70000 / ~100 000	~ 47 000 / ~ 50000	- / ~ 20 000
Военные расходы ¹²⁶	3,8% от ВВП (2008 г.)	3,3% от ВВП (2008 г.)	-

¹²⁴ Подсчитано на основе: *The Military Balance 2009/2010*. IISS. London: Oxford University Press, 2009; *SIPRI Yearbook 2010: Armaments, Disarmament and International Security*. SIPRI: Solna, Sweden, 2010, а также экспертных оценок.

¹²⁵ "Moscow Plays Both Sides on Nagorno-Karabakh". *Strategic Comments, September 2010*. London: IISS, <http://www.iiss.org/publications/strategic-comments/past-issues/volume-16-2010/september/moscow-plays-both-sides-on-nagorno-karabakh/>.

¹²⁶ Военные расходы в денежном исчислении рассчитаны на основе методик и базы данных одного из наиболее авторитетных мировых центров в сфере военно-политических исследований – Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ). См. подробнее: <http://milexdata.sipri.org/>.

Военные расходы ¹²⁷	1 434 млн. долларов (2009 г.)	405 млн. долларов ¹²⁸ (2009 г.)	-
Количество танков	320 (220 Т-72, 100 Т-55) / ~ 600 (Т-80, Т-72, Т-55)	110 (102 Т-72, 8 Т-55) / ~ 160 (Т-80, Т-72, Т-55)	- / ~ 371 (Т-72, Т-55)
офиц. данные /оцен. данные			
Боевые бронированные машины – ББМ	850 (295 БМД, БРМ-1, БМП-1,-2,-3, 150 БТР-60,-70,-80,-80А, 11 – БТР-Д, 393 МТЛБ) / ~ 1000 ББМ	385 (202 БМД, БРМ-1, БМП-1,-2, 85 БТР-152,-60,-70, -80, 100 МТЛБ) / ~ 450 ББМ	- / ~ 459 (БМД, БМП-1,-2, БТР-70, -80)
офиц. данные /оцен. данные			
Артиллерийские системы калибра 120-мм и выше	~ 350 (в том числе: 12 203-мм САУ 2С7 «Пион», ~ 12 152-мм САУ 2С3 «Акация», 60 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика», 26 120-мм САУ «Нона-С», 80 122-мм РСЗО БМ-21 «Град») / ~ 600	250 (в том числе: 28 152-мм САУ 2С3 «Акация», 10 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика», 47 122-мм РСЗО БМ-21 «Град») / ~ 350 (в том числе: 54 152-мм САУ 2С3 «Акация», 50 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика», 80 122-мм РСЗО БМ-21 «Град»)	- / ~ 280
офиц. данные /оцен. данные			
ПУ РСЗО большого калибра	18 (12 ПУ 300-мм «Смерч», 6 ПУ 300-мм «Lynx» – «Extra») / 18	4 ПУ 283-мм WM-80 / 8 ПУ 283-мм WM-80	/ ~
офиц. данные /оцен. данные			
ПУ Тактических и оперативно-тактических ракетных систем	4 ПУ ТР 9К79-1 «Точка-У» / 6 ПУ ТР 9К79-1 «Точка-У»	- / 8 ПУ ОТР 9К72 «Эльбрус» (по наговской классификации – «Scud-B»)	-
офиц. данные /оцен. данные			

¹²⁷ В денежном выражении и в постоянных цифрах 2008 г., согласно методике, используемой СИПРИ. См. подробнее: <http://milexdata.sipri.org/>.

¹²⁸ По оценкам СИПРИ, с учетом затрат на военных пенсионеров, официальная сумма военных расходов Армении будет на 15-20% выше. См. подробнее: <http://milexdata.sipri.org/>.

Боевые самолеты официальные данные /оценочные данные	78 (14 МиГ-29, 35 МиГ-25, 5 МиГ-21, 14 Су-25, 5 Су-24, 5 Су-17) / 72 (14 МиГ-29, 12 МиГ-25 ¹²⁹ , 4 МиГ-21, 2 МиГ-23, ~ 25 Су-25, 8 Су-24, 4 Су-17, 2 Су-20)	16 (1 МиГ-25 ¹³⁰ , 15 Су-25) / 17 Су-25	-
Ударные вертолеты официальные данные /оценочные данные	26 Ми-24 / 35 Ми-24	8 Ми-24 / ~ 12 Ми-24	- / 4 Ми-24
Системы ПВО	/ ЗРК С-200, С-125, С-75, «Бук», «Круг», «Куб», «Оса», «Стрела-10», ЗСУ-23-4 «Шилка», ПЗРК, ЗУ-23-2	/ ЗРК С-300 ПТ/ПС (2-3 дивизиона), С-125, «Круг», «Куб», «Оса», «Стрела-10», ЗСУ-23-4 «Шилка», ПЗРК, ЗУ-23-2	/ ЗРК С-300, С-125, «Круг», «Куб», «Оса», «Стрела-10», ЗСУ-23-4 «Шилка», ЗСУ «Тунгуска», ПЗРК, ЗУ-23-2
Военные базы иностранных государств и военная помощь	РЛС СПРН «Габала» (Россия), военно-техническая и политическая помощь со стороны Турции, сотрудничество с США и структурами НАТО, участие в международных миротворческих операциях	102-я РВБ на территории Армении, Пограничная группа ФСБ РФ «Армения», членство в ОДКБ и военно-техническое сотрудничество с Россией, военное сотрудничество и помощь со стороны Греции, США и структур НАТО	Военно-техническое и военно-политическое содействие со стороны Армении

Об авторах

Лариса Дериглазова — доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. Сфера научных интересов: изучение проблем войны и мира, международные конфликты, вооруженные силы и общество, европейская политика, современные США.

Сергей Минасян — кандидат исторических наук, руководитель отдела политических исследований Института Кавказа. Специалист по вопросам военной истории и международных отношений. Занимается проблемами региональной безопасности и урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе.

¹²⁹ Боеспособные и находящиеся в летном состоянии самолеты.

¹³⁰ Угнан в 1993 г. из состава азербайджанских ВВС, в нелетном состоянии.

Об Институте Кавказа

Институт Кавказа является одним из ведущих аналитических и образовательных центров в Армении и в регионе и ведет политологические, социальные и медиа-исследования в применении как к Южному, так и к Северному Кавказу. Сфера научно-исследовательской деятельности Института включает также региональные исследования в более широком контексте.

Институт Кавказа основан в Ереване в 2002 г. и имеет сложившуюся репутацию нейтральной и неполитизированной платформы для дискуссий по острым вопросам политического и социального развития региона. По результатам научной работы ИК проводит экспертные совещания, круглые столы и конференции, издает различного рода публикации, в том числе Ежегодники, освещающие различные аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни Северного и Южного Кавказа.

Кроме чисто теоретической и практической аналитической работы, важной особенностью исследовательской деятельности ИК является тесная связь с информационной сферой для более широкого ознакомления общественности и политических элит стран региона с результатами научно-исследовательской работы Института, а также фор-

мирования общественного мнения и профессионального дискурса и выработки рекомендаций принимающими политические решения акторами. С этой целью ИК ведет интенсивную работу со средствами массовой информации, широко популяризируя результаты научных исследований и способствуя широким общественным дебатам в Армении и на всем Кавказе.